

Не встречайся с Розой Сантос

Автор:

Нина Морено

Не встречайся с Розой Сантос

Нина Морено

Молодежный роман

Говорят, на девушке по имени Роза Сантос лежит морское проклятие, а встречаться с ней – плохая примета, особенно если ты парень и у тебя есть лодка.

Может, так и есть – учитывая, что у нее все вечно идет не по плану. Постоянно приходится выбирать: между бабулей, опорой семьи, и матерью – художницей, которая появляется в жизни Розы как ураган. Между домом в Порт-Корале, причудливом городке Флориды, и университетом на Кубе – острове, о котором она не может говорить.

Но что, если проклятие Розы Сантос можно разрушить? Нужно лишь встретить парня с лодкой, который не боится плохих примет, и найти свое место за горизонтом...

Нина Морено

Не встречайся с Розой Сантос

Nina Moreno

Don't Date Rosa Santos

© 2019 by Nina Moreno

© В. Ингсоц, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Папе.

Я всегда представляла, как ты прочтешь эту книгу, – такова неотъемлемая часть моей мечты. Но мы сами создаем себе мечты. Именно ты меня этому научил.

Эта история всегда была твоей, и когда мы снова увидимся, я обязательно все тебе расскажу.

Глава 1

Женщины семьи Сантос никогда не ходят к морю.

Однажды, целую жизнь назад, беременная женщина и ее муж покинули Кубу, забравшись в лодку, которую он построил из обломков досок и разного хлама, скрепив все это отчаянной надеждой. Глухой ночью они оттолкнулись от берега, оставив за спиной целую жизнь. Но все равно оказалось слишком поздно. Шторм, сильный и жестокий, налетел внезапно, а ребенок вот-вот должен был родиться. И в то время, когда мужчина боролся с ревущим морем, женщина кричала в унисон с яростными ветрами, пока, наконец, не отняла от своего тела плачущую девочку.

Когда Милагро Сантос вышла на берег на другой стороне залива, с ней была только новорожденная дочь.

Моя мать росла на новой земле и, несмотря на предостережения, осмелилась полюбить мужчину, который любил море. Но накануне ее восемнадцатилетия на открытой воде зародился весенний шторм и уничтожил еще одну мечту. Лодку моего отца нашли, но его тело – нет. Мама ждала на причале, поддерживая растущий живот, где уже была я, и ее рыдания навсегда запечатлены в коллективной памяти нашего городка.

Вот чем было для нас море. А я – это мост, который должен стать достаточно большим, чтобы дотянуться от одной трагедии до другой. В колыбельной, которая сопровождает мою жизнь, сказано: познать море – значит познать любовь, но любить женщину из нашей семьи – значит потерять все. Люди до сих пор шепчутся о том, что на нас лежит проклятье, но кто наложил его – остров, море или наши непокорные сердца, – я не знаю.

– Сейчас или никогда. – Ана-Мария сидела на моем столе, а я нервно мерила шагами пол перед ней. Она взяла телефон и запустила таймер, хотя мне уже хотелось забить на эту тренировку и просто потоком извергнуть все, что я держала в себе несколько месяцев.

– В общем, мне кажется, я выбрала университет...

Но Анна тут же помотала головой:

– Не говори «мне кажется». Ты его выбрала. Будь увереннее, иначе она не станет тебя слушать.

Я расправила плечи, пытаюсь немного расслабиться. Моей abuela[1 - Бабушка (здесь и далее пер. с исп.)] здесь даже не было, но сердце все равно колотилось как бешеное.

– Ладно. Вот в чем дело, Мими. Я выбрала университет.

– Que bueno![2 - Очень хорошо.] – одобрительно воскликнула Ана с заметным кубинским акцентом, который, к ужасу, напомнил мне бабушку.

– Но он в другом штате.

Ана издала скорбный стон. Она явно входила в роль.

– Ay, mi amor[3 - О, любовь моя!], ты хочешь меня бросить?

Я завела глаза к потолку.

– Это всего через два штата от нас. Но я выбрала его потому, что там есть программа стажировки за рубежом...

Ана выпрямилась, театрально разыгрывая обиду:

– Como?[4 - Как?] В другой стране? Eso no es college![5 - Какой-то неправильный университет!]

Я взялась за верхние края рубашки и оттянула их в стороны, потому что вся взмокла от пота.

– Нормальный университет. Обычные занятия, баллы, которые пойдут в диплом. А та программа, куда я подала документы... – Я сделала паузу, и Ана кивнула. Я расправила плечи. – Она на Кубе.

В Чарльстонском колледже мою заявку на перевод приняли на прошлой неделе. Как только я получила имейл, сначала отпраздновала это событие беззвучным криком радости у себя в комнате, а потом, не раздумывая, записалась на их программу зарубежной стажировки. Целый семестр в Гаванском университете! Я буду слушать лекции настоящих кубинских профессоров, ходить на экскурсии и знакомиться с местной культурой – Старая Гавана, Виньялес, Сантьяго... Начну лучше говорить по-испански. И у меня появятся собственные истории об острове, который столько времени был для меня запретным наследием, к которому нельзя прикоснуться.

Конечно, обучение стоило дорого, но сомневаться времени не было. Я понимала, что должна успеть, пока политическая ситуация в очередной раз не изменилась. У меня имелась стипендия от университета, гранты и картонная коробка со сбережениями, заработанными в bodega[б - Небольшой магазинчик, в котором торгуют продуктами и напитками, в том числе алкогольными.]. Учебная виза – один из немногих законных способов поехать на Кубу, и, поскольку у меня не осталось там родственников, с которыми мы могли бы воссоединиться, это мой единственный шанс.

Услышав мои слова, Ана ахнула и вскочила со стола, оттолкнув меня в сторону. Она схватилась за сердце и повалилась спиной на кровать, так что мои подушки свалились на пол. Все это вполне тянуло на сцену из мыльной оперы.

Я вздохнула и уперла руки в бока.

– И в этот момент, вероятно, в комнату входит моя давно пропавшая сестра и сообщает, что присвоила мое наследство?

– Или, еще лучше, твоя давно пропавшая мать.

Конечно, она пошутила, но это, как всегда, задело меня за живое. Если бы мама все еще жила здесь, может, я не была бы в такой панике, собираясь признаться Мими, что думаю жить и учиться в стране, из которой ей самой пришлось бежать. В кои-то веки присутствие мамы пошло бы мне на пользу – она обычно так выводила бабушку из себя, что та ни на что другое не обращала внимания.

Ана встала и крепко схватила меня за плечи. Мою лучшую подругу зовут Ана-Мария, она афро-латиноамериканка, и ее родители родом с Кубы. Миссис Пенья уехала с острова еще в раннем детстве, когда у родственников из США появилось достаточно денег и возможность их вызвать, а мистер Пенья сбежал, будучи подростком. А теперь они оба жили здесь. Ана росла в окружении родных и двоюродных братьев и сестер и не испытывала такого острого стремления познать нашу родину, как я. По крайней мере, она его никак не демонстрировала.

– Учитывая твой уровень тревожности и количество семейных проблем, ты максимально подготовилась, – сказала она, сжимая мои плечи и слегка подталкивая к двери. – Давай, тигренок.

В доме Сантос был типичный вечер пятницы, так что я точно знала, где искать мою abuela. В это время она всегда сидела у окна в нашей небольшой прачечной с восточной стороны дома, между двумя лимонными деревьями, а соседи приходили туда в поисках ответов, наставлений и некоторой доли колдовства. Моя бабушка, местная знахарка, знала средство от любых бед – увядающего сада, ночных кошмаров, проблем на работе и полосы невезения – и из своего окошка раздавала страждущим надежду с запахом трав и кондиционера для белья.

Там я ее и обнаружила. Она затыкала пробкой небольшую бутылку, а по ту сторону окна стоял наш сосед Дэн с младенцем на руках. Дэн и его муж Малкольм, мой университетский куратор, без которого я бы вряд ли справилась с подачей документов на стажировку, недавно завершили процесс удочерения малышки Пенни. Мими потрясла бутылочку и внимательно посмотрела на содержимое в свете свечи.

– Что случилось? – спросила я Дэна, сразу обратив внимание на темные круги у него под глазами.

Сейчас он в отпуске по уходу за ребенком, а вообще работает в скорой помощи, так что обычно без проблем выдерживает бессонные ночи. Сейчас же он выглядел так, словно еле держится на ногах.

– У Пенни режутся зубы, – произнес он, зевая. – А Малкольм еще на работе, по уши погряз во встречах и бумагах. – Малкольм был самым любимым студентами куратором в муниципальном колледже Порт-Корала. Он производил впечатление взвешенного и вдумчивого человека, а внешне очень напоминал Идриса Эльбу. – Впрочем, оно и понятно – заканчиваются сроки подачи документов.

– Почему ты не заходишь внутрь? – спросила я. Мы дружили семьями и часто приглашали их к себе на ужин.

– Потому что Мими занята, а я не собираюсь пользоваться ее особым отношением, в отличие от тебя, хоть ты и набилась Малкольму в любимицы. Кстати говоря, а ты не...

– Встречалась с ним сегодня? Ну да. Встречалась, конечно.

За спиной у Мими я сделала Дэну круглые глаза. Я виделась с Малкольмом, чтобы вместе поискать еще какие-нибудь гранты на обучение на Кубе. Но Дэн слишком устал и не сразу понял, на что я намекаю. Так что я кивком указала на Мими, и, наконец, сонное выражение его глаз сменилось на удивленное. Все поражаются, что я до сих пор ей не сказала. Но они просто не представляют, что значит говорить с Мими о Кубе.

– Это тебе, – сказала Мими, не обращая на наш разговор никакого внимания, и протянула Дэну высокую бутылку цилиндрической формы. – Нужно добавлять в чай за час до сна.

– А что такое сон? – спросил Дэн. Пенни захихикала и задргала ножками.

Мими взяла бутылочку поменьше, с маслянистой на вид жидкостью золотистого цвета. Она сняла крышку, и я уловила запах яблочного пирога. – Для Пенни, чтобы десны не болели. *Pero un momento*[7 - Подожди минутку.], у меня есть для нее еще кое-что. – И она вихрем пронеслась мимо меня прочь из комнаты.

Дэн держал Пенни на руках, терпеливо ожидая по ту сторону окна. Его глаза медленно закрывались. Пенни со звонким шлепком схватила Дэна за щеки.

– Я сейчас вернусь, – сказала я и помчалась вслед за Мими.

– Помешай *sopa*[8 - Суп.], – бросила она через плечо, проходя через залитую теплым светом кухню. Здесь жили только мы вдвоем, но дом создавал ощущение куда большей наполненности. Словно вмещал в себя больше света, больше людей, больше любви. Я подняла крышку кастрюли, стоявшей на плите, и вдохнула запах. О супе Мими ходили легенды, которые приписывали ему способность то поднимать людей со смертного одра, то исцелять разбитые сердца. Весь секрет заключался в бульоне из костей, который следовало тщательно томить с травами и овощами. Я помешала медленно кипящую жидкость и сделала еще один вдох, набираясь сил.

– Мими?

– *Aqui*?[9 - Я здесь.], – отозвалась она из глубины дома.

Я опустила крышку на место и встала на пороге ее оранжереи, располагавшейся в дальнем конце кухни. Говорить с ней, пока она занята делом, было очень плохой идеей, но мне хотелось скорее с этим покончить.

– Где ты?

– Я здесь! – снова отозвалась она, но я все равно ее не видела. Вообще, эта комната считалась верандой, и предполагалось, что здесь хозяева будут отдыхать со стаканчиком холодного чая, но Мими превратила ее в теплицу. Это стало словно живым сердцем нашего дома, здесь всегда было тепло и легко дышалось даже при закрытых окнах. пышно разросшиеся растения тянулись из горшков, слегка покачиваясь. На полках выстроились потрепанные от чтения книги и сосуды с лекарствами и разными снадобьями. И еще здесь висел ветряной колокольчик из дерева и металла – в обычные дни он молчал, слегка позвякивая, если шел дождь, и метался, как испуганный ребенок, если надвигалась беда.

Так выглядел наш тайный зачарованный сад, иногда способный шуметь, как тропические джунгли. И хотя мы жили в Порт-Корале, штат Флорида, для Мими он теперь воплощал ее родной остров.

Она вдруг вынырнула из-за ветвей пальмы, улыбаясь. В руках у нее было голубое одеяльце цвета безоблачного летнего неба, слегка переливавшееся на свету. Я провела рукой по мягкой, как пух, ткани, и меня снова охватило чувство удовлетворения. Это как ее суп.

Она прошла мимо меня обратно к своему окну. Я стряхнула с себя ощущение безмятежности и двинулась за ней.

– Мими, я выбрала, где буду учиться, – выдавила я, пока она передавала Дэну одеяльце. Оба посмотрели на меня. Дэн ухмыльнулся.

– Pero[10 - Но.] ты уже учишься.

– Ну... как бы да, но только в муниципальном колледже[11 - Система, при которой можно учиться в школе и колледже одновременно, получая диплом младшего бакалавра и возможность продолжить обучение уже в университете, чтобы получить степень бакалавра.]... – Я снова почувствовала, что потею.

Последние два года я только и делала, что моталась на автобусе между школой, колледжем и летними курсами. Это было непросто, особенно учитывая работу в bodega, но зато теперь остается всего пара недель – и я закончу и школу, и колледж с двухгодичным обучением. А осенью я переведусь из муниципального колледжа в университет, чтобы получить степень бакалавра по латиноамериканской культуре.

– Ah, s? [12 – А, да.], я знаю. Ну, рассказывай. – Она сложила руки на груди. Звон ее браслетов звучал знакомо, словно песня. По ним я научилась отыскивать ее, когда она терялась в зарослях своих растений. Я открыла рот, но повисла звенящая тишина.

Мими ждала. Но я не смогла решиться.

– Если бы ты могла поехать в любую точку мира, куда бы ты отправилась? – выпалила я в панике.

Дэн покачал головой. Свечи у Мими за спиной задрожали.

– На Гавайи, – подумав, решила она.

– Что? – переспросила я в шоке. Такого ответа я не ожидала. – Куда угодно в мире, Мими!

– Я поняла, – ухмыльнулась она. – Просто мне нравится Дуэйн «Скала» Джонсон. Он симпатичный.

Дэн расхохотался:

– Не поспоришь.

– А если бы ты могла поехать на Кубу?

Ее улыбка исчезла.

Все, что я знала о Кубе, я узнала здесь – в этом прибрежном городке, в сотнях миль от острова, который был для меня таким загадочным. Я познакомилась с

родной культурой через блюда за нашим столом, песни, звучавшие в бабушкином проигрывателе, истории, которые рассказывали в bodega и в шумном доме Аны-Марии. Но в этих историях не было моей семьи. И здесь я не могла найти себя.

– Я бы туда не поехала, – сказала Мими так просто, словно это все объясняло. Моя abuela была терпелива и добра, но при упоминании родины она опять словно замкнулась. К ней приходило так много людей, и им всем она давала ответы и возвращала надежду. Всем, кроме меня.

– Спасибо за лекарства, – сказал Дэн и заплатил ей за снотворный чай и снадобье для зубов. Пенни своими маленькими кулачками схватилась за одеяльце. Он напоследок ободряюще улыбнулся мне и пошел домой.

Мими принялась наводить порядок на столике. Я слышала запах супа и приглушенные звуки музыки из своей комнаты.

– Но все ведь меняется, – снова попыталась я. Мими резко обернулась. Я впервые осмелилась развивать эту тему. Мое упрямое сердце колотилось в закрытое окно ее сдержанности. – За годы многое стало иначе.

В год, когда я пошла в старшую школу, я видела по телевизору, как президент моей страны сошел с самолета и ступил на землю Гаваны. Все посетители bodega замерли, не веря глазам. Даже я в свои четырнадцать не верила, что отношения между странами когда-нибудь изменятся к лучшему. Довольно скоро после этого я узнала о программах обучения на Кубе и поступила в колледж.

Мими отрывисто вздохнула:

– Ау, для тебя, может, и меняется, а для народа Кубы – нет.

От этих слов пропасть между мной и моей родиной стала еще больше.

– Значит, даже если бы ты могла, ты бы не вернулась?

– Моя душа вернется туда, *mi amor*. – Тоска в ее голосе преследовала меня, словно древний призрак. – Они больше заботятся о туристах, чем о людях Кубы,

которые до сих пор страдают. – Мими захлопнула свое окошко, подошла ко мне и ласково положила ладонь на мою щеку. – Куда ты поедешь учиться, пі?а[13 - Маленькая девочка.]]? В хороший университет?

Вот и все. Чего-то в этом роде я и ожидала. Совершенно нет повода удивляться или расстраиваться. Или плакать.

– Неважно. На самом деле, я еще думаю, – сказала я, стараясь не выдать своих чувств.

– Ау, Роза, – вздохнула Мими. – Ты скоро определишься.

Суп кипел на плите, ветряные колокольчики тихо звенели, и свечи освещали мне дорогу обратно в комнату. Я дома, и здесь нет места для разговоров о Кубе. Мими не собирается возвращаться, моя мать постоянно уезжает, а я – просто бескрылая птица, брошенная на берегу в поисках ответов, похороненных на дне моря, которое я не могу познать.

Глава 2

Я открыла дверь своей спальни, и Ана подняла голову, оторвавшись от телефона. Но ее радостная улыбка погасла, когда она увидела мое лицо.

– Как прошло, тигренок?

Я с опустошенным видом упала в кресло возле стола.

– Тебе все равно придется ей сказать. Если ты не пришлешь подтверждение к первому мая, то потеряешь место.

У меня было очень много дел. Я щелкнула ручкой и пролистала страницы блокнота. Все мои жизненные цели, тщательно выстроенные и упорядоченные, были собраны здесь. А в прогалинах между важными датами прорастали виноградные лозы, превращавшиеся в цветы. В этом блокноте, где рисунки перемежались со списками дел, прятались все мои планы, которые теперь

превратились в секреты.

Мой ноутбук издал свистящий звук, сообщая о новом письме. Там было всего два слова – «Люблю тебя» – и ссылка на фотоальбом. Я просмотрела мамины фотографии за эту неделю. Кактус в пустыне. Нарисованный на салфетке портрет официантки, мечтающей за стойкой. Незаконченная картина у кирпичной стены. На следующей неделе я, возможно, увижу, что она нарисует на ней дальше и куда потом отправится. Я задумалась, вернется ли она в Порт-Корал до наступления лета.

У Аны зазвонил телефон.

– Что такое, мама? – Какое-то время она слушала, что говорила миссис Пенья, а потом раздраженно села на кровати. – А мне зачем идти? Ну ладно, ладно... Я им скажу... Мам, ну я же сказала «ладно!» Я не повышаю голос... Я тоже тебя люблю. – Ана отключилась и посмотрела на меня, закатив глаза к потолку. – Сегодня экстренное городское собрание.

Собрания у нас обычно проходили раз в месяц, и последнее было всего две недели назад.

– А что случилось?

– Она не сказала. Но, зная этот городок, Саймон сменил музыку в закусочной, не спросив совета у viejitos[14 - Старики.], а мама впала в панику.

Я встала и глянула в небольшое зеркало рядом с приставным столиком и крошечным алтарем. Там стояли пара цветных свечей и свежие цветы, старая коричневая фотография дедушки и единственный сохранившийся полароидный снимок моего отца. Я подкрасила губы и сунула в рот клубничный леденец.

Ана скатилась с моей кровати и пошла вслед за мной к двери.

– Скажи Мими про Гавану прямо сейчас. При мне она не будет на тебя кричать.

Я остановилась в прихожей, и она врезалась в меня сзади.

– Что? Нет уж. Это плохой план, – сказала я.

Кроме того, Мими в любом случае не станет кричать. Наоборот, когда она недовольна, то становится очень спокойной и сдержанной. Ее молчание давит, как каменная плита, и я как могу стараюсь этого избегать.

– Ах, малышка Роза.

Это было мое прозвище с детства, и я терпеть его не могла. Выйдя в кухню, мы рассказали Мими о собрании и помогли ей упаковать суп, который она захотела взять с собой.

Она с усилием переставила кастрюлю с плиты на стол и потерла поясницу, которая всегда болела, а мы достали контейнеры и принялись их наполнять. Мими лечит всех остальных, но ее саму невозможно заставить регулярно посещать врача. Уж не знаю, это свойство вообще всех стариков или только кубинцев – *viejitos*, например, тоже ведут себя так, словно человек способен жить вечно, питаюсь только кофе, ромом и гаванскими сигарами.

Когда мы упаковали все контейнеры, Мими неодобрительно глянула на меня:

– *Nos vamos*[15 - Пойдемте.]. Но сначала снимите свою пижаму.

Я подхватила сумку с контейнерами.

– Это не пижама, а ромпер.

Я прошла мимо нее к двери, зная, что она пойдет следом, как всегда, прихватив свои снадобья и свои суждения.

– *Que es un*[16 - Что такое?] ромпер? – спросила она у Аны, и та расхохоталась.

Городская площадь со сквером была всего в двух кварталах от нас. Солнце, низко висевшее в небе, заливало этот апрельский вечер теплым золотым светом. Деревья вдоль тротуаров были усыпаны цветами, и ветряные колокольчики на дверях магазинов приветственно звенели. Мы пошли в комнату для собраний в библиотеке.

Мими принялась раздавать всем контейнеры с супом, а мы сели на свои привычные места рядом с мамой Аны. Миссис Пенья явно отлучилась ненадолго – она была в фартуке, а в кудрявых волосах торчали ручки. Мы все по привычке называли их семейное заведение bodega[17 - Подвал.], но на самом деле El Mercado, раньше бывшее крошечной забегаловкой, куда соседи заходили, чтобы наскоро сыграть партию в лото или перехватить сэндвич с кофе, давно разросся до продуктового магазина и кулинарии с готовой едой. И все благодаря восхитительным блюдам мистера Пеньи. Он отлично готовил, но терпеть не мог общаться с людьми, потому эту задачу и за стойкой кафе, и на городских собраниях обычно выполняла его жена.

– Не забудь положить свои барабаны в фургон. У тебя завтра репетиция в джаз-бэнде, – сказала дочери миссис Пенья, передавая нам пачку чипсов.

Ана вжалась в кресло:

– Мам, ну не так громко.

– А что не так с джаз-бэндом? – спросила я, делая характерное для джаза движение, когда трясешь руками по обе стороны от лица.

Ана чуть не зарычала:

– Мне надоело ходить в пайетках и играть на конгах[18 - Конга – кубинский барабан.].

Речь шла о школьном джазовом ансамбле. Ее отец, как я слышала, великолепно играл на трубе, но он давно забросил музыку, и семья Аны устраивала ей выволочку всякий раз, когда им казалось, что любовь к ударным инструментам уводит ее в сторону от их представлений о приличном будущем. С их точки зрения, участие в ансамбле равнялось получению грантов, гранты – поступлению в университет, а университет – получению диплома в какой-нибудь области, не связанной с музыкой.

В комнате собралось несколько больше народу, чем обычно бывало на собраниях. Впереди нас сели Малкольм и Дэн. Пенни радостно подпрыгивала у Малкольма на коленях, и сна у нее не было ни в одном глазу. А вот Дэн уронил

голову на плечо своего мужа. Я с первого взгляда поняла, что он тут же уснул. Мы с Аной ели чипсы из пачки, пока все остальные обменивались приветствиями и рассаживались. Четверо *viejitos* сели в первом ряду, 15 тоже как обычно. Это были четыре пожилых латиноамериканца. По большей части они проводили время в *bodega*, попивая кофе, играя в домино и обсуждая соседей. Своей обязанностью они считали ходить на каждое собрание, чтобы писать об этом в блог, а недавно завели Инстаграм-аккаунт и теперь на все вопросы отвечали: «Посмотри наши сториз». Все приходящие были мне знакомы, но вдруг вошел кто-то, кого я раньше не видела. Я замерла, не донеся до рта картофельный чипс, и шепотом спросила у Аны:

– Кто это?

Она слегка выпрямилась и внимательно посмотрела на парня, который только что уселся прямо перед нами. Я ошарашенно изучала его руки, покрытые татуировками.

– Не знаю, – наконец призналась подруга. Мы были знакомы почти со всеми в городе – лично или через родственников, и было странно, что никто из нас его не встречал. Парень наклонил голову, слушая женщину рядом с собой. – Сидит рядом с миссис Акино – может, работает у нее.

Семья Акино владела стоянкой для лодок. Конечно, я там никогда не бывала, но не раз видела миссис Акино на этих собраниях. Я задумалась, кто этот парень и откуда он взялся, внимательно изучая синие, почти светящиеся волны его татуировок. Они набухали на запястьях, поднимались вверх по предплечьям и пропадали под коротким рукавом рубашки, которая тесно обхватывала бицепсы. Я наклонилась вперед, чтобы лучше разглядеть... И резко дернулась назад, когда в поле моего зрения появилась Мими.

Она грациозно опустилась на сиденье рядом со мной и протянула руку, чтобы поправить мне волосы. Я мягко оттолкнула ее, и тогда она просто принялась возиться с моей одеждой.

– Посмотри, какие короткие. Все наружу. – Она неодобрительно прищелкнула языком и шепотом сказала по-испански: – Не понимаю я этих ваших ромперов.

Я потянула шорты немного вниз.

– Не делай меня tikitiki.

На кубинском диалекте это означало, что я нервничаю и раздражаюсь.

Вперед вышел Саймон Янг, наш мэр. Он был одет в пляжную версию стиля «бизнес-кэжуал»: белая рубашка с закатанными рукавами и шорты цвета хаки. В свободное от исполнения обязанностей мэра время он руководил закусочной на набережной. Рядом с ним сидел его служебный пес, Шепард.

– Что за важное объявление? – недовольно спросила Глэдис. – У нас встреча лиги через 15 минут. – Ее седые кудрявые волосы растрепались, а одета она была в красно-желтую футболку для боулинга с надписью на спине «Глэдис-Точно-В-Цель». Все знали, что она на пенсии, а вот чем она занималась раньше, не знал никто.

Саймон вздохнул:

– К большому сожалению, нам придется отменить Весенний фестиваль.

Повисла мертвая тишина. Ана, сидевшая со скучающим видом, подобралась и выпрямилась. Фестиваль ведь меньше чем через две недели! Изначально он был нужен для того, чтобы местные рыбаки и фермеры, выращивающие цитрусы, могли быстрее распродать улов и урожай, но со временем превратился в общегородской праздник с угощением, музыкой и даже фейерверками над бухтой. А в этом году это было особенно важное событие, потому что двое жителей нашего городка собирались пожениться.

Viejitos тут же достали свои телефоны.

– Отменить? Почему это? – требовательно спросил мистер Гомез.

На ноги поднялся Джонас Мун, кудрявый рыжеволосый рыбак с мягким голосом.

– Из-за бухты.

Он был обручен с Кларой из книжного магазина на набережной, и они собирались сыграть свадьбу на фестивале.

– Нас хотят выкупить.

Услышав эту новость, все зашумели.

Парень с татуировками поднялся и встал перед всеми рядом с Джоном. Когда он повернулся к нам, я обратила внимание на короткую темную бороду и настороженные карие глаза. Он держался довольно безучастно, скрестив на груди разрисованные руки.

Ана нагнулась ко мне и прошептала:

– Боже мой, да это же Алекс!

Я наклонилась к ней:

– Кто?

– Ну, вот этот мрачный тип! Это Алекс Акино! Она смотрела на меня с открытым ртом и ждала, когда я соглашусь, что это просто невероятно.

– Я понятия не имею, кто это, – пришлось признаться мне.

– Он учился класса на два старше нас. Мы вместе ходили на уроки рисования, и он никогда ни с кем не разговаривал. Он был такой длинный – честное слово, иногда казалось, что он просто теряется где-то под потолком. Было довольно странно.

Я помотала головой: это имя и уж тем более описание совсем не подходили парню с мускулистыми, ярко разрисованными руками.

– Я слышала, что он уехал из города, когда закончил школу, но вот, похоже, вернулся.

– Ну, судя по его лицу, он не слишком этому рад, – сдавленно сказала я.

Джонас поднял руки, прося тишины:

– Фирма-застройщик сделала нам предложение. Они хотят возвести здесь многофункциональный квартал. Тут будут многоэтажные дома, а бухта, скорее всего, станет частной стоянкой для лодок.

– И что, ты просто поднимешь лапки и позволишь отнять наш дом? – напористо произнесла Глэдис.

– Нет, мэм. Мы с Саймоном уже готовим заявки на гранты, которые позволят защитить территорию от продажи. Университет чуть выше на побережье уже помог нескольким рыбацким поселкам освоить новые методы заработка – в основном разведение моллюсков и другой морской фауны. Они считают, что из нашей бухты можно сделать охраняемый природный объект. Это может отсрочить торги.

– Довольно умно, – заметил мистер Гомез.

– Но, к сожалению, университет буквально на днях ограничил финансирование этой программы.

Удрученный вид Джонаса напомнил мне собственные чувства, когда я впервые увидела стоимость своей кубинской стажировки. Я выпрямилась:

– А что именно они будут делать?

Алекс бросил на меня короткий взгляд и отвел глаза.

Джонас сказал:

– Пришлют студентов и профессоров, чтобы развести фермы моллюсков, и научат наших рыбаков их обрабатывать. Переоборудуют суда и создадут питомники. В результате получится экоустойчивая система, которая обеспечит стабильную занятость. – Джонас кивнул на Алекса, который слегка нахмурился, отчего его темные брови нависли над глазами еще сильнее. – Алекс помогал

восстанавливать устричные рифы в заливе и знает ребят из университета, поэтому помогал нам с заявками. Но мы только сегодня узнали про недостаток финансирования, а без проекта не успеем вовремя остановить торги.

Саймон отошел в сторону и пожал плечами, держа руки в карманах:

– А нет бухты – нет и фестиваля.

– Нет бухты – нет Порт-Корала! – произнесла Клара, выразив вслух наш общий страх. Клара – британка нигерийского происхождения, и ее коллекция кардиганов внушала мне зависть. Ее мягкий голос и прерывистые интонации напомнили мне о том, чего она и мы все лишимся, если фестиваль и правда отменят. Ведь это празднество, длящееся целые выходные, с цветущими деревьями, угощением и музыкой – идеальный антураж для самой волшебной свадьбы. И, когда Джонас сделал ей предложение, все сразу поняли, что лучшего момента просто не найти. Даже мать Клары, которая жила в Нигерии, уже получила визу и купила билеты на самолет.

– А как же ваша свадьба? – спросила я.

– Будут и другие дни, – сказала Клара, снова обретая самообладание. Джонас нервно сжал ладони.

– Или другие свадьбы, – добавила Глэдис. – Заведи себе лучше хобби. – Она погладила свою сумку с принадлежностями для боулинга. – Свадьба – это глупости.

Все разошлись по углам и принялись с обреченностью обсуждать произошедшее. Джонас и Алекс повернулись к Саймону, который стоял как в воду опущенный. Миссис Пенья вздохнула так тяжело, словно уже видела на дверях bodega табличку «Закрыто».

Я вскочила на ноги:

– Так не пойдет!

– Что ты хочешь сделать? – изумленно спросила Ана.

– Дайте мне минутку, – сказала я, напряженно размышляя.

Джонас наблюдал за мной с любопытством. А Алекс глянул на меня мрачно и с раздражением – он, похоже, не мог дождаться конца собрания. Этот тяжелый взгляд заставил мои внутренности свернуться от страха, хотя я и постаралась как ни в чем не бывало расправить плечи. Я как раз недавно смотрела видео о том, как держаться на публичных выступлениях.

– Значит, все зависит от гранта, так? Если мы сами профинансируем проект, эту проблему можно будет вычеркнуть из списка.

– Какого списка? – удивился Джонас.

– Всегда есть какой-то список. На какую сумму был грант?

Джонас потер лоб:

– Для старта проекта нужно двадцать тысяч.

Глэдис присвистнула. Двадцать тысяч – это тебе не коробка со сбережениями. Но я умела искать гранты, и программа моей мечты стоила почти столько же. Пора проявить смекалку.

– Нам нужна стоящая идея, и быстро. Мы не успеем так оперативно собрать деньги своими силами, поэтому нужно привлечь их со стороны.

Мистер Гомез наставил на меня телефон.

– И как мы это сделаем? – спросил Джонас.

Вдруг я посмотрела на Клару.

– Мы все равно проведем фестиваль, – сказала я с внезапной уверенностью. Идея, как вихрь, закручивалась в моей голове.

– Вам не хватит времени.

Я бросила взгляд на Алекса – не ожидала, что он что-нибудь скажет. Тем более столь мрачное и недружелюбное. Он нависал надо мной из-за своего роста, и это заставляло нервничать. Но я упрямо стояла на своем, хотя Ана уже дергала меня за шорты.

– Мы вполне можем попробовать.

– Попробовать что? Провести вечеринку? – Он говорил серьезно, а вовсе не издевался.

Я прищурилась, чувствуя, как лицо и шею заливают краска стыда.

– Не просто вечеринку. А мероприятие по сбору средств, достаточно большое, чтобы выручить нужную сумму.

В Порт-Корале все давно привыкли к тому, что я фонтанирую идеями. Даже иногда хвалили их, когда я, будучи помладше, влезала в разговоры взрослых, задавая, как обычно, кучу вопросов. Но они не привыкли к людям, на которых мои идеи не производят ни малейшего впечатления. Или, может быть, я не привыкла. Но я не могла оставить это просто так.

Ана снова дернула меня за одежду и прошептала:

– Ты в курсе, что необязательно это делать?

Я искоса посмотрела на Мими. Эта история напрямую касается меня и моего дома. Люди и политические процессы разбили сердце моей abuela. Нам нельзя потерять Порт-Корал.

– К сожалению, на фоне всего происходящего мы не сможем проспонсировать фестиваль, – сказала миссис Акино, и тяжелый взгляд Алекса слегка смягчился.

Миссис Пенья поднялась на ноги:

– Это сделает El Mercado.

– Что? – воскликнула Ана.

Облегчение накатило на меня так внезапно, что пришлось схватиться за спинку стула.

– Роза права. Мой муж готовит лучшие кубинские сэндвичи и закуски по эту сторону Майями. Мы разрекламируем фестиваль и расскажем, для чего он нужен, а потом накормим туристов нашим lechon asado[19 - Жареный поросенок.], и они просто забросают нас деньгами. Мы будем играть сальсу, подавать мохито, а потом – бада-бум, бада-ба! – и город спасен.

– Бада что? – спросил мистер Гомез.

– Отличная идея! – вскочила на ноги Ксиомара, хозяйка школы танцев. – Я могу подготовить выступление и давать уроки. У нас так много заведений – каждому найдется что предложить!

– И вашу свадьбу тоже отменять не придется, – сказала я Кларе и Джонасу. Они пока колебались, но я увидела во взгляде обоих проблеск надежды. – У нас все обязательно получится, твоя мама приедет, все будет романтично и замечательно, как ты и хотела.

– Но как? – спросила Клара. – Мы уже все отменили, а если действительно организуем на фестивале сбор средств, то Джонасу придется много работать, дабы убедить университет, что у нас еще есть шансы. Свадьба просто-напросто не вписывается в планы.

– Впишется. Я об этом позабочусь.

Они обменялись неуверенными взглядами. Я старалась не смотреть на мрачного Мистера Устричные Рифы.

– Я все распланирую. Я очень организованная, и в этом семестре у меня все занятия по интернету. Могу показать свой планировщик – увидите мои многоуровневые списки и сразу все поймете.

– Только не начинай, – остановила меня Ана.

– А я считаю, все это глупости, – проворчала Глэдис.

Клара ухмыльнулась и игриво толкнула плечом Джонаса.

– Я не против, если ты согласен.

Он поцеловал ее руку.

– Всегда готов.

Что-то промелькнуло между ними, а потом они повернулись ко мне, и их в глазах виднелись слезы.

– Мы согласны.

Я широко улыбнулась Ане, и та потрясла головой:

– Ты вообще понимаешь, во что ввязалась?

– Нет, конечно, – сказала я, – но разве это когда-то меня останавливало?

Глава 3

На следующее утро я сидела за уличным столиком в bodega и завтракала вместе с четырьмя viejitos. Все занятия в этом семестре у меня были онлайн, и это позволяло брать больше смен, но казалось странным, что больше не нужно каждое утро куда-то идти. Я ела поджаренные на сковороде тосты, запивая их cafe con leche[20 - Кофе с молоком.], а они спорили о вчерашнем тренировочном бейсбольном матче. Я за пару секунд прикончила ломтик хлеба, покрытый сливочным маслом.

Мистер Сааведра бросил на меня осторожный взгляд, а затем полез в карман рубашки и протянул таблетки от изжоги. Я одним глотком допила остывающий кофе и взяла одну. Мистер Гомез, мистер Сааведра, мистер Рестрепо и мистер Альварез всегда ходили в строгих рубашках и брюках со стрелками, от них пахло сигарами и кремом после бритья. Вместе они были как один общий abuelo –

дедушка – нашего городка.

– Нужно распространить информацию о фестивале и сборе денег, – сказала я.

– Claro[21 - Ясное дело.], – кивнул мистер Сааведра. – Мы об этом уже написали.

Он протянул мне свой телефон, и я взглянула на последний пост. Это была фотография бухты и подпись: «Весенний фестиваль, dale[22 - Кубинский сленг, что-то типа «вперед, давай».]!»

– Dale? – переспросила я.

– Всем нравится Питбуль[23 - Американский рэпер из Майами кубинского происхождения.], – ответил мистер Гомез и постучал пальцем по черепу. – К рекламе надо подходить с умом, Роза!

– Неплохо. У меня тоже есть пара идей, я собираюсь обсудить их с миссис Пенья.

Мистер Гомез хмыкнул:

– У тебя и так слишком много дел. Тебе надо думать об учебе.

– О, поверьте, я и так слишком много о ней думаю.

– Не то что этот младший Акино, – неодобрительно причмокнул мистер Рестрепо. – И эти татуировки! Que oso![24 - Какой позор!]. В тихом омуте черти водятся.

– Да, а что с ним не так? – Я наклонилась вперед. На собрании Алекс добровольно открыл рот один-единственный раз, и то только ради того, чтобы усомниться в моей великолепной идее.

Мистер Сааведра пронзительно посмотрел на меня. Я знала этот взгляд – так на меня смотрели всякий раз, когда я переходила грань, вмешиваясь в разговоры взрослых.

– Тебе не надо о нем думать. Думай об учебе. И никаких татуировок! – добавил он.

– Учеба, учеба... – Я встала на ноги. – Ладно, неважно.

– Так ты выбрала университет? – уже не в первый раз спросил меня мистер Гомез. Но о Чарльстоне знали всего несколько человек, а теперь о нем надо было рассказать Мими, и только потом – viejitos.

– Пока нет, – соврала я. – И хватит уже об этом писать.

Они вернулись к своей игре в домино, а я обогнула дом и направилась к большим закатывающимся воротам.

Внутри двоюродный брат Аны, Джуниор, разгружал продукты.

– Привет, лучший средний балл!

– Не лучший, – возразила я. Ламонт Моррис обогнал меня по баллам, поэтому ему поручили произносить прощальную речь перед всей школой. Он тоже, как и я, параллельно оканчивал колледж и осенью переводился в Дюкский университет.

– Как скажешь, зануда.

Джуниор был старше меня на несколько лет и занимался в bodega закупками. Раньше он продавал марихуану, но теперь мечтал о том, чтобы расписать свой микстейп. Подсобка была довольно большой, и в одной ее половине собирали доставки, а в другой стояли столы и стулья. Это было не просто служебное помещение, а практически семейная гостиная – все дети семьи Пенья, когда были маленькими, торчали здесь, пока их родители чуть ли не круглыми сутками работали на благо семьи. Здесь был связанный вручную напольный коврик, старенький телевизор с антенной и небольшой рисунок самого магазинчика, висевший на пробковой доске миссис Пенья вместе с расписанием и многочисленными напоминками. Эту картинку когда-то очень давно подарила ей моя мама.

Я бросила рюкзак на стол, возле которого сидел Бенни. Его вытянутая нога заняла место на стуле, а на колене лежал пакет со льдом. Это был брат Аны, на год младше нас – он отлично играл в футбол, и в школе его обожали. Из-за травмы пострадала не только его спортивная карьера, но и социальная жизнь, так что в последнее время он куда чаще зависал с нами.

– Благодаря тебе я теперь мальчик на побегушках. – Он с возмущением посмотрел на меня, потрясая списком поручений.

– Ну, это же твоя мама предложила проспонсировать фестиваль. – Я села и расстегнула рюкзак.

– После твоего прочувствованного выступления! Я видел в Инстаграме у мистера Гомеза. Теперь мама говорит, что мы сделаем все по-кубински. Намажем поросенка маслом и будем наперегонки его ловить, а потом зажарим.

Я перестала улыбаться:

– Что?

Он пожал плечами:

– Мой t?o[25 - Дядя.] говорит, что в их деревне без этого не разрешали жениться.

Я вынула записную книжку, размышляя про себя, правда ли это.

– Но у меня есть идея получше, слушай! Нужно отправиться на поиски золотой черепахи.

– Ради бога, только не начинай.

Viejitos недавно запостили этот давно потерянный городской артефакт в Инстаграме в «ностальгический четверг», и Бенни совершенно сошел с ума. По местной легенде, впервые фигурку черепахи нашли на затонувшем пиратском корабле какие-то подростки, но вместо того чтобы отдать ее родителям или, я не знаю, в музей, просто спрятали еще раз, чтобы поиграть с друзьями. Так возникла традиция – каждый выпускной класс прятал черепаху для следующего,

пока она, наконец, окончательно не потерялась лет двадцать назад.

– Она же все еще где-то там, так почему бы не попробовать ее найти? – серьезно и решительно произнес обычно такой беззаботный Бенни, теперь совершенно не похожий на себя самого.

Я подвинула к нему список дел.

– Потому что мы все очень заняты. Тебе нужно сделать все вот это, а мне – закончить еще одну заявку на грант, написать работу по культурологии и помочь организовать одну небольшую свадьбу.

– Эх, куда же пропала Роза-мечтательница?

– Она тут. – Я постучала по своей записной книжке.

К нам подошел Джуниор и принялся вздыхать все тяжелее с каждым новым листком и ручкой, которые я доставала из рюкзака.

– Ну сколько раз говорить, что эти книжные премудрости тебе в реальной жизни не пригодятся? – заворчал он. – Надо учиться жить в реальном мире, сестренка. Договариваться с людьми. Вникать в уличные правила.

Бенни засмеялся:

– А ты-то сам что об этом знаешь?

– Я же из Майами. 305 Till I Die! [26 - 305 – код Майами и цитата из культовой песни рэпера Pitbull.]

– Ты родом из Палм-Бей, бро.

Тут распахнулась внутренняя дверь, ведущая в магазинчик, и в подсобку ворвалась Ана. Она направила барабанную палочку на Бенни:

– Отвези меня на репетицию джаз-бэнда. А то мама теперь не может – она занята. Спасибо Розе!

Я щелкнула ручкой.

– Если хочешь сказать «спасибо за спасение», тогда пожалуйста.

– Мне тоже есть чем заняться. – Бенни возмущенно помахал в воздухе списком. – И нет времени возить тебя стучать на этих дерьмовых барабанах.

– Эй, полегче! – Ана вскинула палочку. – Эти барабаны стоят больше, чем твоя дерьмовая машина!

Ана была старше Бенни, но машина имелась только у него, потому что она спустила все сбережения на ударную установку. Родители до сих пор ей этого не простили.

– Придержи язык, девочка, – строго сказала миссис Пенья, которая вошла в комнату, держа возле уха телефон. Она выглядела замотанной, но на самом деле всегда была такая. Она тоже, как и я, любила порядок и организованность, а также разделяла мою любовь к винтажной тропической эстетике. Она управляла bodega как человек, который вполне умеет жить в реальном мире, так что в ее руках мой план вполне мог сработать. Господи, только бы он сработал! Я начинала чувствовать себя так, словно вся моя жизнь зависит от этого фестиваля.

– Миссис Пенья, ночью я написала список идей и...

– Роза, у тебя голова распухнет, как эта сумка с книгами, которую ты везде с собой таскаешь! – вклинился Джуниор.

Я угрюмо взглянула на него. Я любила свой рюкзак. Когда я была маленькой, то хотела стать такой, как он. Он был крепкий, из яркой, пестрой ткани. Мими его сшила, когда я только пошла в старшую школу, и наложила на него сильные заклятья, чтобы он всегда вмещал все, что мне нужно, и никогда не терялся.

– Не будь засранцем, Джуниор, – сказала Ана. Она всегда вступалась за меня, если считала, что ее родственники перегибают палку.

Миссис Пенья убрала телефон от уха.

– Оуе! [27 - Восклицание вроде «эй» или «послушай».] Я все слышу! Caraño! [28 - Проклятье!]

– Мам, – с каменным лицом сказала Ана, – все в этой комнате понимают испанский. Мы знаем, что ты сама ругаешься так же, как и мы, если не чаще.

Миссис Пенья сделала вид, что ничего не слышит, и посмотрела на Бенни.

– Пожалуйста, отвези сестру на репетицию.

Бенни громко вздохнул и нарочито медленно, с трудом встал на ноги, но все же по дороге к двери поцеловал мать в лоб.

– Пошли уж, папуаска!

– Я его убью, – сказала Ана, выходя следом.

Миссис Пенья села, продолжая говорить по телефону. Она что-то очень быстро записывала в планшетном блокноте. Я подвинула к ней свою записную книжку. Когда в разговоре наступила пауза, она посмотрела на меня и сказала:

– Велели подождать. Давай, рассказывай.

Я торопливо начала:

– Я выписала все заведения на главной площади и те, что расположены между ней и бухтой...

Вдруг миссис Пенья ударила себя по лбу:

– Совсем забыла! Нужно отвезти хлеб. Собиралась попросить кого-нибудь из детей.

– Я могу съездить! – Я вскочила на ноги. Они никогда не разрешают мне ездить на доставки, а чаевые мне быгодились. На прошлой неделе Бенни хвастался заработанным, и это была довольно внушительная сумма – правда, потом он все спустил на игру для приставки.

– Ты уверена? – нахмурилась миссис Пенья.

– Абсолютно! Вы пока посмотрите мои списки, а когда я вернусь, мы обсудим. Не волнуйтесь, я справлюсь. – Я выскочила из комнаты, пока она не успела меня задержать.

На кухне мистер Пенья резал свинину, готовясь к обеду. А в большой кастрюле дружно шипели чеснок, перец, лук и бекон – скоро, согласно написанному на меловой доске меню, все это превратится в *arroz con carne*? – кубинское блюдо из бобов и риса.

– Доброе утро, сэр. Как поживаете?

Я вошла на кухню и остановилась возле него. Отец Аны был не слишком разговорчив. Кулинария являлась его королевством, а блюда – дарами, которыми он осыпал окружающих, пока мы не слишком ему докучали.

– Роза? – Он заглянул мне за спину, словно проверяя, не идет ли кто-то еще.

– Да, я сегодня на доставке. – Я жестом поприветствовала его, закрывая глаза под действием соблазнительного запаха жареной свинины. – Извините, ничего не соображаю, тут такой запах... Когда Мими готовит *lechón*, я превращаюсь в голодного урчащего зомби, который...

– Роза, – перебил меня мистер Пенья, и его нож остановился. Я тоже перестала жестикулировать и размахивать руками. Мими любит говорить, что это во мне самое кубинское. – Отвези этот хлеб в ресторан в бухте. Прямо сейчас.

И мои мечты о крупных чаевых тут же испарились.

Я никогда не была в бухте. Члены моей семьи не спускаются туда уже долгие годы. Я в жизни не уходила дальше книжного магазина, который был всего вторым заведением вдоль набережной. И даже тогда я всегда оставалась на правой стороне улицы, держась подальше от левой, где находится ограда, отделяющая от тротуара пляж. Когда мне было десять лет, мой друг Майк прыгнул оттуда и сломал себе ногу. Тогда я плакала громче, чем он сам.

Мистер Пенья с ожиданием смотрел на меня. Возможно, он единственный в нашем городке, кто не станет задумываться о старых историях и предрассудках, потому что слишком занят. Он жестом показал на гору свежеиспеченных караваев в бумажных конвертах. Как, интересно, я собираюсь спасти бухту, если даже боюсь туда ходить? Я же не собираюсь прыгать вниз с набережной! Я справлюсь. Должна, если хочу повзрослеть.

Я схватила караваи в охапку, уткнулась в них лицом и глубоко вдохнула. Из моей груди вырвался счастливый вздох. Я справлюсь. Это ведь просто доставка.

Мистер Пенья покашлял.

– Уже иду!

Я обогнула его, неся в охапке хлеб, словно награду, и вышла через заднюю дверь.

– Ты же умеешь ездить на велосипеде? – крикнул он мне вслед с некоторым сомнением в голосе.

– Конечно! – воскликнула я, и дверь захлопнулась.

На самом деле я не умела ездить на велосипеде для доставок, потому что раньше мне не разрешали доставлять, но я не собиралась из-за этого останавливаться.

Меня, конечно, смущала большая корзина сзади, но я сгрузила в нее хлеб, отряхнула руки и внимательно оглядела чудовище, которое собиралась покорить.

– Давай договоримся, – сказала я, показывая на восток в сторону моря. – Ты мне поможешь, а я тебя не разобью. Мы одна команда.

– С кем это ты разговариваешь? – Из-за угла вышел Джуниор, и я чуть не подпрыгнула. Я быстро огляделась в поисках какого-нибудь оправдания, но рядом никого не было, а телефон лежал в сумке.

– Сама с собой. – Все равно звучало странно. – Ну, на самом деле с велосипедом. Пытаюсь с ним подружиться перед тем, как на него сесть.

Он удивленно поднял брови и перестал жевать зубочистку, которая торчала у него изо рта.

– Ты что, везешь доставку?

– Я умею ездить на велосипеде! – возразила я.

– Я не об этом спрашивал, хотя должен признать: то, что ты постоянно защищаешься, меня беспокоит.

– Иди уже отсюда. И не говори своему дяде, что я разговаривала с велосипедом.

Я вскарабкалась на сиденье и тщательно расправила юбку. Не самый лучший наряд для такого приключения, но, если соблюдать некоторую осторожность, никто не увидит ничего лишнего. У Майка был скейтборд, и я так запала на доску, наблюдая за ним, что он сделал мне лонгборд на пятинадцатилетие. Я обклеила его книжными стикерами и символикой колледжа и гоняла на нем по городу почти каждый день. Вряд ли велосипед чем-то принципиально отличается.

Я пробормотала молитву, оттолкнулась от бордюра и поехала.

– Ой, – руль начал вихлять у меня в руках, – перестань, перестань! – Я еле вписалась в поворот, и в животе похолодело от страха. – О чем мы с тобой только что разговаривали? – увещевала я.

После еще нескольких виляний я наконец приноровилась и поймала равновесие. Меня охватило чувство восторга и уверенности. Я проехала мимо почты и книжного магазина, мечтая о том, чтобы прозвенел какой-нибудь маленький колокольчик, который провозгласил бы мою победу. Или, еще лучше, проревел огромный клаксон – я ведь только что покорила огромное страшное чудовище!

Но на брусчатке снова стало довольно рискованно. В этой части города было не так уж приятно ехать на велосипеде с тяжелой задней корзиной. Люди на набережной наблюдали за моим приближением с растущим беспокойством. Фрэнки перестал подметать порог парикмахерской. Саймон оторвался от газеты – тогда как его пес Шепард хладнокровно смотрел на меня. Клара бросила книги, которые разбирала, в небольшую тележку перед магазином.

Поскольку я не могла оторвать руки от руля и помахать им как ни в чем не бывало, чтобы убедить в том, что все нормально, я прокричала:

– Все в порядке! Все хорошо!

Когда я доехала до конца дощатого настила, где заканчивалась набережная и начиналась пристань, то резко нажала на тормоза и спрыгнула с велосипеда, радуясь, что осталась жива.

Потом я наклонилась, перегнувшись в пояснице, и тяжело выдохнула.

– Я сделала это. Победа.

– Что?

Я выпрямилась. Передо мной стоял пожилой мужчина в коричневых резиновых сапогах и зеленом жилете, на котором были нарисованы рыболовные крючки, и смотрел на меня с явным беспокойством.

– Мисс, вы в порядке?

Я постаралась отдышаться:

– Я привезла хлеб.

– Ну... хорошо.

– Он не мой. – Я ущипнула себя за бок. – На самом деле я даже не знаю, куда его везти. Я обычно не занимаюсь доставками, и мне ничего больше не сказали, кроме как «отвези это в бухту». А я даже никогда не была на этом конце набережной! – Я бросила взгляд на книжный магазин, пытаюсь оценить расстояние до него отсюда. Старик все еще стоял передо мной. – Тут же есть какой-то ресторан, так?

– «Морская звезда». – Он слегка прищурился, вглядываясь в мое лицо, и нахмурился еще сильнее. – Ты – дочь Лилианы! – произнес он с некоторой неприязнью. Я вздохнула. Вот и одна из причин, по которой я сюда не хожу. Но все-таки я не ожидала услышать это от первого же человека, которого встречу.

– Я Роза Сантос, – сказала я (потому что у меня есть собственное имя). Он отступил на шаг назад. Одной рукой он взялся за перила вдоль ступенек, а другую сложил в каком-то жесте, которого я не знала. А потом повернулся и пошел по направлению к докам. «Грубиян», – пробормотала я и вздрогнула, когда над головой завопила птица. Я провожала ее взглядом, пока она не растворилась на фоне серого неба. Мой взгляд устремился за горизонт, и все в мире замерло, когда я наконец встретила с морем.

Не то чтобы я никогда раньше его не видела. Оно всегда было рядом, просто не на виду, а где-то в стороне, занималось своими делами. Но наконец пересечь набережную и оказаться в бухте, где когда-то работал мой отец, было словно увидеть живое, бьющееся сердце Порт-Корала. Источник жизненной силы наших пальмовых деревьев, покрытых песком дорожек и выбеленных солнцем домов. Именно здесь зарождается тот бриз, что треплет ветви бабушкиных лимонных деревьев.

По правую руку от меня стояло двухэтажное здание, больше похожее на очень большую хижину. Оно было выкрашено в разные оттенки синего. Его огибала широкая терраса, державшаяся на сваях, которые торчали прямо из воды. А дальше виднелись несколько зданий поменьше, уже вполне прочно стоявшие на берегу. На воде ждали вереницы судов. Люди расхаживали вдоль доков без малейшего страха. Я смотрела на все это, стоя высоко над уровнем моря, там, где заканчивалась набережная. Вниз, навстречу всей этой суете, вели ступеньки, но я словно приросла к месту.

У того, что я только впервые попала сюда, были причины. В последний раз, когда моя семья ступала на этот берег, совсем юная мать, беременная мной, кричала на море, обвиняя его в том, что оно похитило ее любовь. У моего отца нет ни могилы, ни надгробия. Только маленький алтарь, который я воздвигла у себя в комнате.

Я крепко схватилась за перила. Женщины семьи Сантос никогда не ходят к морю. Но одновременно с этим мы упрямы. Мими избегает океана и не желает возвращаться к водам, которые когда-то любила, но все же она осела в сонном прибрежном городке, возможно, не в силах окончательно покинуть свою утерянную любовь и родину. А мама постоянно уезжает, но все равно рисует изображения этого города везде, где бы ни оказалась. А теперь и я стою здесь и не могу двинуться с места.

Налетел сильный ветер и бросил волосы мне в лицо. Нет, я не могу. Если я пойду туда, люди будут таращиться на меня, как этот рыбак. Старые слухи всколыхнутся, и это дойдет до Мими. Я, конечно, хочу, чтобы люди начали относиться ко мне всерьез, и мне нужно сказать Мими про учебу на Кубе, но начинать стоит не так. Я резко повернулась, чтобы пойти прочь, и словно наткнулась на каменную стену.

Только этой стеной был человек.

Глава 4

– Ой, простите!

Я не собиралась ни выкрикивать Алексу что-то в лицо, ни хвататься за его футболку, но непроизвольно сделала и то, и другое. Перед моими глазами промелькнуло воспоминание о том, как Майк сломал ногу. Я схватилась еще крепче, и темные брови Алекса слегка поползли вверх. К черту переломы, сейчас я просто умру от стыда.

Алекс посмотрел встревоженно, но ничего не сказал. Одной рукой он держал небольшое растение в горшке, а другой – мою руку выше локтя. Это растение

поразило меня своим видом. Мята? Он отпустил мою руку, а я – его рубашку.

– Я впервые в жизни в бухте, – сказала я. Над головой снова прокричала чайка, и я вздрогнула. – Она же не призывает остальных чаек на меня напасть, правда?

Он взглянул на небо.

Прозвучал очередной гудок, прозвенел колокол, и кто-то внизу у доков закричал о свежем улове. Резкие черты лица Алекса привлекали к себе внимание. Он бездумно потирал большим и указательным пальцами листочек мяты. До меня донесся ее свежий запах, и я, не успев сдержаться, чуть наклонилась вперед.

Алекс посмотрел на меня сверху вниз.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он с тем же грубоватым оттенком в голосе, что и вчера вечером на собрании. И это почему-то задело меня куда больше, чем грубость старого рыбака.

– Ну, вообще-то, не то чтобы мне нельзя было сюда ходить.

– Я не хотел... – Он умолк и попробовал еще раз: – Ты ведь через месяц заканчиваешь школу, так?

Я хотела спросить, откуда он знает, но потом вспомнила, что все в городе об этом знают. Я задумалась, читает ли он, как остальные, блог *viejitos*.

– Да, – ответила я, и случилось чудо: он не спросил меня, куда я решила поступать. Нас обдувал легкий морской бриз, и листочки мяты в руке Алекса трепетали.

Но то, что он не спросил меня про университет, было так неожиданно и непривычно, что я против своей воли выпалила:

– И я поеду в Гавану!

Было очень приятно произнести это с такой уверенностью – это даже почти затмило страх того, что я ни с того ни с сего выболтала свою самую страшную

тайну.

– На один семестр, по программе стажировки, – торопливо добавила я.

Алекс, казалось, даже впечатлился.

– Но с технической точки зрения я еще не... О господи, хлеб! – завопила я и бросилась к велосипеду, но, слава богу, он был на месте. Я прижала караваи к груди. Алекс по-прежнему стоял возле лестницы. – Ты не знаешь, куда здесь обычно привозят хлеб?

Он показал на дверь в нескольких футах от нас:

– В «Морскую звезду». Спроси Марию.

Ну конечно, нужное место прямо у меня за спиной.

– Еще раз извини, что в тебя врезалась. Может, увидимся завтра на собрании.

– Что, опять будет собрание? – спросил он с такой тоской, что я ухмыльнулась.

– Ну конечно, а ты как думал! Добро пожаловать домой. – И я отправилась в ресторан со своим хлебом.

Стены внутри были выкрашены светло-голубой, словно вытертой краской, а столы сделаны из старого дерева. На меловой доске значились блюда из пойманной сегодня рыбы, а большие окна были распахнуты навстречу соленому прохладному морскому ветру.

За стойкой стояла невысокая смуглая женщина, с мягкой улыбкой смотревшая на постоянного посетителя, сидевшего напротив себя. Но когда она увидела меня, ее улыбка словно примерзла к лицу. Это была миссис Акино – мы с ней никогда раньше не разговаривали, только иногда обменивались приветствиями.

– Я полагаю, это вам, – сказала я и протянула ей хлеб. Она оторвала чек и отдала мне, довольно откровенно меня изучая.

– Да-да, я спустилась в бухту. Шок, сенсация. В блоге viejitos будет аншлаг.

Она вдруг, неожиданно для меня, по-доброму рассмеялась:

– А ты такая же саркастичная, как и твой отец.

И эта простая фраза совершенно выбила меня из колеи. Она произнесла это так легко, словно мой отец все еще где-то существовал. Когда я была маленькой и мы с мамой жили вдвоем, далеко от Порт-Корала, она тоже говорила о нем с легкостью. Рики Гарсиа был парнишкой из приемной семьи, он любил читать комиксы и ловить рыбу, был маленького роста, как и я. Но чем старше я становилась, тем меньше мама мне о нем рассказывала. Истории больше не слетали у нее с языка, а лишь изредка появлялись как награда за что-то, словно драгоценности из тщательно оберегаемой шкатулки.

Я хотела спросить о нем эту женщину, но голос мне не повиновался.

– Он был неплохим парнем. Ты на него похожа. – Теперь, казалось, миссис Акино не могла найти слов. Она передала мне две коробки с выпечкой. – Pastelitos[29 - Выпечка (кексы или пирожные)] в обмен на хлеб. Скажи мистеру Пенья, что наш пекарь готов сделать еще для фестиваля.

Я взяла коробки и почти уже вышла за дверь, но обернулась:

– У моего... моего отца был свой пирс, верно? – Я знала, что он работал и держал свою лодку где-то здесь.

Миссис Акино кивнула:

– Самый последний в доке С. Он все еще принадлежит ему. – Удивление, должно быть, ясно читалось на моем лице, потому что она улыбнулась: – Рыбаки – суеверный народ.

Ну да, уж мне ли не знать.

Снаружи бухта по-прежнему бурлила энергией и жизнью. Я увидела Алекса на лодке – он нес какой-то канат, и мне стало интересно, куда он дел свою мятку. Он

бросил веревку на какой-то ящик и, подняв голову, глянул в мою сторону. Тут я поняла: я не сказала ему, что нельзя никому рассказывать про Гавану. В сером небе заворочался гром, и мне на голову упали первые капли дождя. Я бросилась к велосипеду и помчалась наперегонки с дождем обратно в магазинчик.

Вернувшись туда, я схватила фартук и пошла к кассам, жалея, что Ана на репетиции. За второй кассой стояла Паула – еще одна двоюродная сестра моей подруги.

– Как дела, зубрила? – спросила она, приветливо улыбаясь. Пауле было двадцать, она работала здесь неполный день и одновременно училась на ветеринара. Ко мне она относилась, как к младшей сестренке, но не слишком снисходительно, так что в целом я не возражала. – Где ты была?

– Доставляла хлеб.

Я подумала, не написать ли Ане – но она, скорее всего, как раз сейчас увлеченно стучит на барабанах.

У Паулы негромко играло радио, что-то в стиле реггетон. Она развернула финиковый леденец на палочке и засунула в рот. Посмотрела на меня, и ее короткие светлые кудри слегка качнулись.

– А куда?

– В бухту, – машинально ответила я.

Улыбка Паулы стала еще шире. Она вынула изо рта конфету и указала ею на меня.

– Ты ходила в бухту? – произнесла она обвиняющим тоном.

– Как видишь, и море меня не поглотило. Да, сама в шоке. Ты знаешь кого-нибудь из семьи Акино? – Ана ведь говорила, что они старше, чем мы.

Паула пожала плечами:

– Я училась в одном классе с Эмили. Слышала, она теперь работает на каком-то большом курорте. Ну, и говорят, что Алекс вернулся. – Она ухмыльнулась, разглядев что-то в моем лице. Я сложила руки на груди, затем расплела, потом заново повязала фартук. – Вау. Роза ищет парней на доках. Не думала, что доживу до этого дня.

– До какого дня? – К кассе подошел Фрэнки с корзиной. На этой неделе волосы у него были ярко-фиолетовыми.

– Роза интересуется парнями, – сказала Паула.

– Вовсе я не интересуюсь парнями, – завела я глаза к потолку.

Пока Паула пробивала ему стейки и крупы, он повернулся ко мне:

– И кто же этот парень?

– Господи, да никто! – воскликнула я. – И вообще, мне уже не десять лет, могу и с парнем поговорить.

Все знали, что я никогда ни с кем не встречалась. У меня не было времени. Иногда случались поцелуи на вечеринках или походах в кино с компанией, но ничего такого, о чем стоило бы говорить.

– А Мими знает?

– Нет, конечно. Роза познакомилась с ним на пристани, – произнесла Паула таким тоном, словно это постыдный секрет. Фрэнки, казалось, был шокирован:

– Я видел, как ты ехала на велосипеде. Думал, у тебя доставка, а не свидание!

Я перегнулась через стойку, в отчаянии оглядела проходы между полками и крикнула:

– Эй! Кто-нибудь хочет рассчитаться?

– Не слушай нас, – расхохоталась Паула. – Встречайся с кем хочешь.

Фрэнки неуверенно кивнул. У него на лице было написано, что ему очень не хочется соглашаться.

– Ну, может быть, только на всякий случай совет: не с парнями, у которых есть лодки.

Иногда мне казалось, что вся эта история с проклятием существует только в моей голове. Словно это предостережение нарочно придумано, чтобы я сосредоточилась на собственных жизненных целях. Мои мать и бабушка слишком многим ради меня пожертвовали, чтобы я думала о чем-то еще, кроме собственного будущего. Я должна чего-то достичь, чтобы все эти потери, жертвы и боль оказались не зря.

Но сейчас проклятье смотрело на меня из глаз моих друзей. Это оно превратило весь город в непомерно тревожного родителя, испуганного, что я вот-вот упаду в море. И даже мысль о моем появлении на берегу до смерти напугала старого рыбака и встревожила ребят. Может быть, идти к морю значило дразнить нечто гораздо более древнее и буйное, чем я сама? Нечто, коллекционирующее человеческие кости, как ракушки, и порождающее ураганы. Мне тоже уготовано найти там свою боль, как это случилось с моей матерью и abuela.

И все равно, после того как я побывала в бухте, во мне бурлило беспокойное любопытство. Теперь я знаю, откуда мой отец в последний раз вышел в море. Там, на пристани, о нем вспоминали не без скорби, но с достоинством. И я завидовала тому, как легко они обходятся со своими призраками.

К концу моей смены дождь все еще шел. Я уже была недалеко от дома, когда ветер усилился. Тогда я подхватила свой лонгборд и бросилась бежать. Пробежала последний квартал и взвизгнула, когда, уже почти у крыльца меня нагнала вспышка молнии и раскат грома.

А когда я подняла голову, на ступеньках стояла, глядя на меня, моя мать.

Она была здесь, но это не означало, что она дома. Дома у нее не было. Не имело значения, что она родила меня в маленькой больнице в другом конце нашего города и укачивала, сидя в качалке на крыльце, под шум таинственных морских ракушек. Это место домом она не считала. Я не сомневалась в том, что мама нас любит – просто она была не то потерявшейся русалкой, не то упавшей с неба звездой, которую мы не способны удержать.

– Привет, – сказала она, стоя на крыльце под фонарем.

Я кивнула в знак приветствия и прошла мимо нее, чтобы открыть дверь своим ключом. У нее больше не было ключа. И она никогда не звонила. Телефоны отказывались передавать ее звонки. Она и наш дом были как враждующие подростки; дом всегда знал, что она вернулась, и все попросту выходило из строя. Еда подгорала, свечи гасли и – самое ужасное – мой ноутбук никак не мог поймать вай-фай. В общем, возвращение мамы домой было столь же опасно, как ретроградный Меркурий.

– Я закончила ту работу в Аризоне. Те ужасные подсолнухи, которые заказчики просили сделать на стене в кухне... Я их сделала. – Она стряхнула дождевые капли со своего желтого пальто, стоя на пороге, а я прошла дальше в дом, зажигая свет по пути. Она собрала длинные темные волосы в узел на затылке. – Когда ты подстриглась? – спросила она с любопытством.

Я бросила сумку на кухонный стол и резко вздохнула:

– Я не стриглась.

Она медленно спустила свою сумку с плеча на диван.

– А... – тихо сказала она.

Вот именно. Я открыла ноутбук и начала щелкать мышкой. Мне нужно было выйти в интернет – для учебы и для того, чтобы исчезнуть с этой кухни. Но одновременно с этим мне хотелось остаться здесь. Хотелось, чтобы я могла просто обнять свою мать и ощутить на лице ее фиалковый запах и тепло солнечного света. И чтобы она задала миллион вопросов о том, что случилось за

день, и выслушала каждый ответ с неослабевающим вниманием, потому что она – моя мать.

Первые семь лет моей жизни мы вместе путешествовали в поисках дома. Останавливались в крупных городах и горных деревушках, но всегда держались подальше от моря. И каждый раз, когда мы ненадолго приезжали к Мими в Порт-Корал, после отъезда я очень скучала. Наконец, когда мне исполнилось семь, мама решила, что мы можем остаться здесь навсегда. Мы, как всегда, жили в одной комнате. Когда я пошла в третий класс, она сама отвела меня в школу.

Но через пару лет она исчезла.

Мама возвращалась примерно с той же регулярностью, что морской прилив. Но чем старше я становилась, тем сложнее было вычислить ее появление по лунным фазам или календарю.

Она просто появлялась на крыльце, словно буря на горизонте. И всегда стучала – меня это страшно раздражало. Она возвращалась всегда восторженная и со множеством историй, ее подарки выросли вместе со мной – например, когда она рассказывала мне про контрацепцию или шла со мной в магазин, чтобы помочь выбрать лифчик побольше размером, – но потом снова исчезала.

Любовь и отношения с матерями – это сложно. Поэтому я осталась сидеть за кухонным столом, а она расположилась в соседней комнате.

Дверь открылась, и вошла Мими. Она совершенно не удивилась появлению мамы. Может, догадалась по испортившейся погоде. Может, она умеет распознавать разницу между обычными осадками и плохими предзнаменованиями – примерно так же, как ее колокольчики отличают сильный ветер от надвигающейся опасности.

– Hola[30 - Привет.], – сказала она и вошла со своими сумками на кухню. Остановилась, подставила щеку, и мама ее чмокнула. – Tienes hambre[31 - Ты голодная?]?

– Просто умираю, – ответила мама и села у кухонной стойки, а Мими принялась готовить. Так всегда бывало, когда она приезжала в Порт-Корал в перерывах между заказами. Ее карьера художницы началась и пошла в гору после того, как

она нарисовала залитое звездным светом парижское кафе на стене кофейни в Филадельфии, где она работала баристой, когда мне было пять. У нее имелся простенький сайт, где можно было купить ее картины, она ездила по всей стране, выполняя заказы. И наверняка еще рисовала граффити в свободное время. Ее жизнь – постоянное движение.

– Мими, что это значит? – Я повторила жест старого рыбака. И должна вам признаться, что найти жест в гугле было довольно сложно.

Моя abuela возмущенно фыркнула, а мать рассмеялась.

– Что? – требовательно спросила я.

– Это старый охранный знак, – сказала мать. – Для защиты от зла.

– Один старик сделал так в мою сторону.

Они обе разом прищурились – можно было практически услышать щелчок.

– Какой старик? – спросила мать таким голосом, словно была готова тут же наточить нож или сварить ядовитое зелье.

– Ну, там, на набережной.

На лице мамы появилось любопытство.

– Где именно на набережной?

Я отвела глаза.

– Ну, типа, в самом конце...

– Ты хочешь сказать, в бухте?

Мими яростным взглядом посмотрела на маму:

– Ты тоже туда ходила?

Та вполголоса выругалась.

– Я только что приехала. И кроме того, мне уже не семнадцать.

Мими снова взглянула на меня:

– Что ты там делала?

– Отвозила доставку. – Я подошла к холодильнику и достала оттуда банку ананасовой газировки. – Для магазина. – Я отхлебнула и посмотрела на нее.

Мими и моя мать обменялись тяжелыми взглядами. Я нахмурилась, снова чувствуя себя ребенком.

– Кстати, мне, возможно, придется опять туда пойти из-за фестиваля, – выпалила я.

Мама подняла брови:

– Ты организуешь Весенний фестиваль?

– Ну, по большей части этим занимается миссис Пенья, но каждый немного участвует. Мы будем собирать деньги, чтобы спасти бухту от перестройки каким-то девелопером.

– Ничего себе. – Мама по-настоящему удивилась. – Даже в Порт-Корале что-то меняется.

Мими положила на стойку кусок мяса и принялась отбивать его колотушкой. Оно весь день мариновалось. Лук и давленный чеснок уже шкворчали в оливковом масле. В животе у меня заурчало.

Мама ровно посмотрела на Мими.

– Если все участвуют, то что тогда делаешь ты? Колдуешь, наверное?

Она специально употребила это слово, чтобы позлить Мими, но та не клюнула на наживку, а просто положила кусок панированного мяса в кипящее масло. Мими – curandera, знахарка. Она выращивает травы у себя в саду и делает из них чаи, зелья и настойки, но она никогда не называет себя колдуньей. Это слово используется стариками, очень редко и всегда в негативном смысле. Но я слышала, как люди шептались так про маму. Иногда поздно ночью, когда она бывала дома, раздавался стук в дверь, и по ту сторону оказывалась чья-нибудь скорбная фигура. Тогда мама садилась за старый деревянный стол и раскладывала карты. Она прекрасно владела языком заклятий и диалектами разбитого сердца.

– Ты хотела бы сделать что-то конкретное? – спросила я у Мими. – Может, небольшую лавочку с пучками трав и какими-нибудь настойками?

– No se, mi amor[32 - Не знаю, милая.]. Посмотрим.

– Мими, фестиваль через три недели.

Мими шлепнула мать по руке, тянувшейся к первому готовому стейку.

– Оуе[33 - Эй.], не надо меня торопить.

Мама сунула в рот кусочек мяса, который ей удалось отщипнуть.

– Ну, а у тебя самой какой проект? – спросила она.

– Пока не знаю. Все мне твердят, что надо думать об учебе – как будто я не отличница еще со времен детского сада!

– Моя талантливая Роза! – пылко сказала мать, и я сделала над собой усилие, чтобы не разозлиться.

– Можно устроить турнир по домино с viejitos в качестве тренеров, – предложила я. – Ксиомара может давать уроки сальсы и бачаты. И угощать всех pastelitos и кубинскими сэндвичами – такой оммаж Хемингуэю, и еще устроить конкурс, кто

поймает самую большую рыбу.

– Все это очень... по-кубински, – отметила мать.

Моя улыбка погасла. Мне стало некомфортно от необходимости отстаивать перед ней свою идею. Я откашлялась:

– Ну, bodega все это спонсирует, ну и в нашем городе действительно много людей латиноамериканского происхождения, не только с Кубы, так что все логично.

– Латиноамериканского происхождения? – переспросила Мими, уперев руку в бедро.

– Обобщающий термин, – сказала мать.

Мими подняла глаза к потолку:

– Eso no es un palabra[34 - Нет такого слова.].

– Это просто выражение, не заморачивайся, – сказала мать, а потом ухмыльнулась: – Ты заметила, как она размахивает руками, когда сердится? Того и гляди, самолет приземлится.

Мими расхохоталась, и даже мне пришлось подавить смешок.

Потом мы все вместе поужинали bistec empanizado[35 - Стейк в панировке.]. Моя мама сидела напротив меня, свернувшись на стуле, и улыбалась, пока Мими рассказывала ей последние сплетни о соседях. Дождь снаружи начал утихать, и я погрузилась в уют нашего совместного ужина. Интересно, как долго она пробудет здесь на этот раз?

– Какие у тебя завтра занятия? – спросила мама, вставая, чтобы сварить кофе. Мими отнесла тарелки к раковине.

– Завтра воскресенье, – сказала я. – Хотя на самом деле это неважно, потому что они все онлайн.

– Я бы так не смогла. Мне нужен внешний контроль, – заметила она совершенно серьезно.

У Мими вырвался резкий смешок. Он тут же оборвался, но мы успели его услышать.

И вся установившаяся легкость разлетелась в один миг, словно упавшая на пол тарелка. Ножи и вилки злобно клацали, пока Мими мыла их в раковине. Мама насыпала сахар в железную чашку, просыпав часть на стойку – кто-нибудь потом уберет. Она плеснула в чашку первую порцию жидкости и принялась быстро стучать ложечкой, размешивая сахар в горячем эспрессо и взбивая возмущенную пену – обязательный атрибут кубинского кофе. Губы Мими сложились в тонкую линию – знакомая гримаса раздражения.

Казалось, кто-нибудь сейчас взорвется. Что называется, добро пожаловать домой.

Я взяла свой ноутбук и поднялась на ноги.

– Пойду доделаю кое-что.

У себя в комнате я принялась напряженно вышагивать перед своим алтарем, стоявшим на небольшом ночном столике. А в глубине дома мама и бабушка начали ссориться.

– Она вернулась, – поведала я фотографиям отца и деда. Молчание. Впрочем, какого ответа я ожидала от этих мужчин у себя на столе?

Я ведь совсем ничего о них не знаю. Как и о своей родине.

– Где то ужасное желтое одеяло с маргаритками? Оно мое любимое. – Из коридора раздался мамин усталый голос, и дверцы шкафчика с постельным бельем скрипнули.

– No me grites[36 - Не кричи на меня!]]! Где-то в шкафу, – крикнула бабушка из кухни. Я негромко включила радио.

– Его нет, – уже тише сказала мама. Было слышно, как она, роясь в шкафу, постукивает по стене, отделявшей коридор от моей комнаты, и сердится, ничего не обнаружив. Я достала из шкафа мягкую футболку для сна.

Мама крикнула:

– Не могу найти!

Я вытерла лицо салфеткой для снятия макияжа.

– Оуе, рего оно там лежит, я видела! – огрызнулась Мими.

– Его тут нет, – тяжело и устало вздохнула мать. – Ладно, тогда возьму синее.

Я погасила лампу, залезла в кровать и свернулась клубочком под одеялом – желтым, с маргаритками. От него всегда пахло фиалками и солнечным светом.

Глава 6

Проснувшись, я увидела на полу своей комнаты соль. Я села на краешек кровати, сонно потирая глаза и пытаюсь сообразить, откуда тут взялась эта зернистая субстанция.

В дверном проеме, опираясь на косяк, стояла мама. Ее распущенные волосы рассыпались по плечам, а одета она была в короткий топик медового цвета, открывавший загорелую талию.

– Осторожно. Мими моет полы.

Я почувствовала сильный розмариново-лимонный запах. Мими не просто моет полы, она их драит. Я постепенно начала различать звуки музыки, которая меня и разбудила. По звучанию песня была похожа на старую кубинскую мелодию, с ритмом, под который легко можно кружиться в танце, несмотря на то, что в тексте шла речь о святых, духах и спасении. Кассеты Мими. Ее плеер был

настолько древним, что не стоило удивляться – работал он так себе, но она считала это частью ритуала.

Обычно ее дни уборки меня успокаивали. Звуки и запахи свежести вселяли уют, но сейчас, глядя на напряженную позу матери, я задумалась о том, каково это, когда тебя каждый раз встречают таким образом.

– Судьба у меня такая. – Она пожала плечами и отвернулась. – Я перестала переживать по этому поводу лет в двенадцать. Кофе на кухне.

Я прошла по доскам, избегая залитых чистящим раствором щелей между ними. Мими была на середине прихожей – то есть уже практически закончила. Увидев меня, она тут же наклонилась проверить, надела ли я носки. Как будто я первый раз в доме, где присутствуют моя бабушка и швабра!

В гостиной курилось сандаловое благовоние, но в воздухе еще стоял запах шалфея, который Мими всегда зажигала первым. Я налила себе чашку кофе и включила ноутбук. Старичок пробуждался ото сна медленнее, чем обычно, а учитывая, что мама дома, он будет еще несколько минут ловить вай-фай, прежде чем загрузит мою почту. Я уселась поудобнее.

– Покажи свои фотографии, – попросила я.

С телефонами мама не дружила – постоянно их теряла, но свой цифровой фотоаппарат берегла как зеницу ока. Она включила его и подала мне. Я пролистала последние снимки. Здесь были кадры, которые она выкладывала в свой онлайн-фотоальбом, но не только. Огромные подсолнухи на стене чьей-то столовой. Поле, заросшее дикими цветами, рядом с художественной студией. Уставшие, но улыбающиеся ковбои со шляпами в руках. Порт, который так и манит выйти в море. Лимонные деревья, усыпанные плодами, звезды, мерцающие над заливом, тенистые переулки, покрытые слоем опавших лепестков...

Я подняла глаза: мать смотрела на меня, ожидая реакции, и грызла ноготь большого пальца.

– Очень хорошие фотографии, – сказала я. – И ковбои довольно милые.

Она с облегчением засмеялась.

– Это для школы в Остине. Их спортивной команде нужен был новый имидж. Слышала, что следующий матч по баскетболу они выиграли.

В кухню вошла Мими, в одной руке – пучок сладко пахнущих трав и вязаная сумка, в другой – черный железный казанок. Она с громким звуком бросила все это на кухонную стойку, посмотрела на нас и возмущенно произнесла:

– Nadie me ayuda[37 - Никто мне не помогает.].

– Я сделала кофе, – сказала мама.

– А я вообще только что проснулась, – пожала плечами я.

На Мими наши отговорки не произвели впечатления. Она зажгла уголек и бросила его в котел:

– В hierba[38 - Палисадник.] полно сорняков. Пойдите прополите.

– А ты нам заплатишь? – поддразнила мама.

Мими возмущенно фыркнула, но ее губы слегка дрогнули в улыбке. Она бросила в котел несколько сушеных листьев, цветов и корешков, и пахучий дым поплыл по комнате. Мы все на мгновение замерли, наслаждаясь запахом ее домашних благовоний.

– У нас сейчас начнутся галлюцинации? – спросила мама.

– Вон! – приказала Мими, и мы, хохоча, выскользнули за дверь.

Мы пять минут лениво пропалывали палисадник, но потом в животе у меня заурчало.

– Я хочу есть.

Мама слегка качнулась назад на пятках:

– Я тоже. Пошли в bodega. Она разожгла свой ведьмин котел и даже не заметила потом, что нас нет.

Через десять минут мы остановились у витрины bodega, полной свежайшей выпечки. Раньше здесь никогда не продавали десерты.

– Откуда все это? – спросила я Джуниора, чуть ли не уткнувшись носом в стекло. Я чувствовала себя словно в выпуске своего любимого кулинарного шоу. «Три шоколада» со спелой клубникой. Лимонные творожные кексы с малиной и кремовыми розочками. Маракуйя со сливками. Кофейные булочки с мокко и корицей. Потом я заметила слойки. – Это тоже из ресторана в бухте, да?

Джуниор подошел к нам и кивнул:

– Ага.

Я указала на оставшиеся слойки – из воздушного слоеного теста, посыпанные сахаром, невероятно мягкие, с начинкой из гуавы и творожного сыра.

– Я беру их все.

– Ну ничего себе.

– Жаль, что я не могу попробовать по одному экземпляру всего, что тут есть, – сказала мама с мягким смешком.

Взгляд Джуниора стал слегка ословелым – и отнюдь не из-за выпечки. Он положил в пакет остатки слоек и, подмигнув, добавил к ним одну кофейную булочку. Фи.

– А где твоя t?a[39 - Тетя.]? – спросила мама.

Джуниор пожал плечами:

– Ее сегодня целый день нет.

Когда мы уходили, вид у мамы был слегка расстроенный.

Мы ели на ходу, и никто из нас не нарушал повисшего благостного молчания. Мы направлялись на городскую площадь, а город вокруг постепенно просыпался. Лагерстремия цвела белым и розовым, а жараканды роняли на землю фиолетовые цветы. Рара Эль, как обычно, торговал домашним мороженым. Вкусы каждый день менялись, но там всегда было что-нибудь тропическое и сладкое. Наступила весна, и моя мать вернулась домой, но продолжительность только одного из событий можно было предсказать. Я вонзила зубы в слойку с начинкой из гуавы и сыра и откусила большой кусок.

– Зачем ты спрашивала про миссис Пенья? – поинтересовалась я.

– Хотела с ней повидаться, – просто ответила мама. – Если бы ты вернулась в город после долгого отсутствия, ты бы первым делом спросила про Ану-Марию, не так ли?

Иногда я забывала, что наши матери тоже росли вместе. Но я надеюсь, мы никогда не отдалимся друг от друга так сильно.

Когда мы вышли на набережную, ее шаги нисколько не замедлились. Но дойдя до книжного магазина, я струсила, как всегда. И, пока она не успела миновать мою личную точку невозврата, я быстро сказала:

– Давай зайдем?

Она отряхнула с рук сахар и вошла следом за мной. Прозвенел колокольчик над входом, и я окунулась в звуки потрескивающего огня в камине и запах еще теплого шоколадного печенья. Клара по полной наслаждалась уютом в скандинавском стиле.

– Попробую поискать какие-нибудь книги по искусству. Ключевое слово – попробую, – сказала мама и ушла в дальнюю комнату магазинчика.

А я принялась бродить вдоль заставленных полок ближе ко входу. Они были в ужасном беспорядке, подборка книг постоянно менялась, поэтому поиски нужного часто превращались в какую-то игру в прятки. И вдруг, подняв голову, между романом в бумажной обложке и серией манги, стоявшей в неправильной последовательности, я увидела Алекса.

Я испуганно отшатнулась и присела, прислонившись спиной к полке и натянув юбку на колени. Но подождите. Почему я вообще прячусь? Я пришла сюда не просто так, а по определенной причине. Выбирать книги. Со своей матерью. О господи, здесь же моя мать, одетая в топик с открытым животом! Я чуть-чуть приподнялась, чтобы мне было его лучше видно.

Он стоял вполоборота и рассматривал заднюю часть обложки какой-то книги. В магазине становилось все жарче от огня в камине. Когда я сделала вдох, в горло попала пыль, и я сильно закашлялась. Алекс повернулся, и я присела ниже. Он поставил книгу, которую разглядывал, обратно на полку. С этого ракурса мне было не видно его лица, и я принялась торопливо искать между книжными корешками обзор получше.

Он наклонился, чтобы поднять коробку, которая стояла у него в ногах. Голубые линии его татуировки плавно двигались. Он что-то сказал Кларе, но я не услышала, что именно, потому что у меня оглушительно стучало сердце. Когда он двинулся к выходу, я бесшумно обогнула полку. И успела увидеть его улыбку, а потом врезалась в стопку книг.

– Ты в порядке? – хором спросили мама и Клара, бросаясь ко мне, чтобы помочь встать на ноги.

Я вскинула голову, но за Алексом уже закрылась дверь, и колокольчик весело звякнул ему вслед.

Я прижала руку к сердцу и поглядела на беспорядок, который устроила. В воздухе стоял запах старых книг и выпечки.

– Прости меня, пожалуйста, – сказала я Кларе. – Я сейчас все соберу.

– О, не беспокойся, – ответила та и протянула мне печенье.

Я никогда не повзрослею. Я взяла печенье, чувствуя себя так, словно мне опять десять лет. Мама выглянула в окно; когда она снова посмотрела на меня, выражение ее лица было задумчивым.

Каждая из нас купила по две книги, и я съела еще одно печенье, а потом мы снова вышли на улицу.

– Мне казалось, должно быть наоборот, – дразнящим тоном заметила мать. – Ты чуть сквозь землю не провалилась. А ведь это наша судьба – обрекать парней на гибель.

Меня поразило даже не то, что она вообще об этом заговорила, а то, с какой легкостью она это сделала. Я повернулась и твердым шагом пошла обратно в сторону города, прочь от бухты. Мать догнала меня и взяла под руку, крепко прижимая к себе.

– Ну прости, – сказала она. Когда мама была так близко, ее присутствие прямо-таки сбивало с ног. Растрепанные волосы, мягкий запах духов, касание руки. – Расскажи мне про него. Ты миллион лет ни в кого не влюблялась.

На самом деле влюблялась. В одного старшеклассника на занятиях по высшей математике, который всегда открывал передо мной дверь, и в девушку из магазинчика с мороженым, у которой всегда были бейджики с разными именами и которая как-то раз сказала мне, что от меня пахнет клубникой. Просто моей матери не было рядом, чтобы об этом знать.

– Я вовсе не влюбилась, – сказала я.

– Он довольно симпатичный. И татуировки потрясающие.

– У него на татуировках море. – Я не верила своим ушам. – И у него есть лодка, мам.

– Правда? Какая?

Я подавилась лающим смешком.

– Господи, как ты можешь быть такой несерьезной?

– Несерьезной? Роза, ты слишком долго тут живешь, – вздохнула она и сошла с тротуара. Мы перешли дорогу. – Я так устала от этого проклятья и от тех, кто в него верит. Когда ты уедешь из Порт-Корала, все станет только лучше. Вот увидишь.

Мне не понравился тон, которым она это сказала. Словно я собиралась уехать навсегда.

– Кстати, – продолжила она, – ты писала, что скоро получишь ответ по поводу зачисления в университет. Когда крайний срок?

Я еще не думала о том, как мама воспримет новости. Наверняка она тоже часто думает о Кубе. Но мы не говорили об этом с тех пор, как отношения между Кубой и США изменились. А потом изменились снова.

– Меня приняли в Чарльстонский университет.

– Правда? Здорово. – Мама улыбнулась. – А куда еще?

– Ой, ну еще в университеты Флориды, Майами и Центральной Флориды.

– Неплохо, – ухмыльнулась она. – Так и зачем же девушке из Флориды ехать в Южную Каролину?

– У них отличная программа обучения за рубежом, – решила начать я.

– О, это интересно! – Конечно, моя мать, вечно обуреваемая жаждой странствий, не могла сказать ничего другого.

А вот следующая часть была сложнее. Я резко вздохнула и бросилась вперед очертя голову:

– На Кубе.

Повисла тишина. Тяжелое молчание, которым ответила мать, заставило меня чувствовать себя более значительно. Все-таки для моей семьи поездка на Кубу действительно многое значила. Наши отношения с родиной нельзя назвать простыми. Были люди, которые не хотели иметь никакого отношения к Кубе, пока стоящие у власти не уйдут навсегда. А были и такие, кто мечтал о прекращении эмбарго и возобновлении отношений. Я пока не знала, к какой половине отношусь, но была уверена, что хочу понять место, откуда пришлось бежать моей семье, и людей, живущих там сейчас.

– Значит, ты хочешь поехать на Кубу, – сказала она. Это был не вопрос, а осознание. Мягкие розовые лепестки упали на тротуар между нами, и я бездумно пнула носком ноги ближайшую к себе кучку. – И что ты собираешься там изучать?

– Испанский и историю Кубы.

– Это учитывается в твоей специальности?

– Конечно, – кивнула я. – Я же специализируюсь по латиноамериканской культуре.

– До сих пор?

Я остановилась. Разделяя нас, на тротуаре высился светофор.

– В каком смысле «до сих пор»?

Она оперлась о столб.

– Ну, я думала, ты как минимум несколько раз передумаешь. Мне казалось, тебе понравилась та программа по экологии в университете Флориды.

Я об этом упоминала примерно год назад, когда после курса по естествознанию мне стало любопытно и я на время зачарованно погрузилась в мир биоразнообразия и рационального природопользования.

– Программа курса оказалась очень сложной, на изучение культуры времени бы не осталось. Плюс никаких стажировок на Кубе у них в ближайшее время не планируется.

– И что? Разве учеба тебе нужна только ради Кубы?

– Нет, конечно. – Возможность поехать туда невероятно много для меня значила, но финальной целью было все-таки получить диплом, заложить основы будущей карьеры. – Просто это один из немногих способов туда поехать, и, раз уж я изучаю латиноамериканскую культуру, это логично.

– Тебе не нужен диплом, чтобы быть латиноамериканкой, Роза. Это не так работает.

Раздражение вспыхнуло внутри меня, словно спичка.

– Вот ты сейчас серьезно?

Она немного помолчала, а потом тактично сменила направление разговора:

– А Мими ты об этом уже говорила?

– Господи, нет конечно! Видишь, как замечательно мы с тобой разговариваем.

– Я просто не хочу, чтобы из-за того, что ты так сосредоточена на Кубе, ты упустила все остальное, чем тебе хотелось бы заниматься. Есть множество дорог, которые могут привести тебя туда, куда ты хочешь попасть.

– Но я хочу этим заниматься, в том и смысл. – Как минимум, двух последних лет моей жизни.

– Просто помни, что учеба – это не единственный способ туда попасть. Можешь мне поверить, уж я-то много где бывала. И, черт побери, мы могли бы даже поехать вместе! Мы когда-то говорили об этом, помнишь?

Может, тогда эта безумная идея и зародилась в моей голове, возвращенная заразным оптимизмом матери перед лицом невозможного. Куба? Нет проблем.

Как-нибудь при случае.

Мой телефон издал свистящий звук – СМС-сообщение от миссис Пеня о том, что общее собрание переносится в гараж, потому что книжный клуб не хочет уступать зал в библиотеке.

– Как ты думаешь, а я могу поучаствовать в фестивале? – спросила мама.

Я вскинула голову. Видимо, удивление было написано у меня на лице, потому что она почти смущенно улыбнулась:

– Думаю, я могла бы что-нибудь нарисовать. Какую-нибудь очень серьезную роспись.

Я некоторое время смотрела на нее. Я никогда не пойму, как мы перешли от обсуждения моего выбора университета к этому.

– Ты иногда застаешь меня врасплох. Как порыв ветра.

– Это так поэтично. Ты слишком добра ко мне, – сказала она слегка виновато. Но на самом деле из нас двоих это она – поэт, а не я. Пока мы шли, я вспомнила ее любимую сказку – о том, как одна маленькая взбалмошная девочка нашла огромную ярко-розовую ракушку, которая могла переносить ее, куда она пожелает. И эта девочка благодаря ракушке побывала в огромном количестве разных мест. Когда мы с мамой приезжали в какое-то новое место, она всегда говорила, что хорошо бы и нам найти такую же.

– Ты надолго останешься? – осторожно спросила я.

Она очень долго молчала. Я внутренне сжалась.

– Насколько смогу.

Вот так все было просто и сложно. Устав от разговоров, я вытащила телефон и открыла плеер. Протянула ей один наушник, и она взяла. Я нажала «в случайном порядке». Зазвучала мелодия гуахиры[40 - Жанр народной кубинской музыки.] – одна из любимых песен Мими для воскресного утра. Мы шли бок о бок, и я

представила бурлящие улицы Гаваны. По левую руку будет набережная и дамба, защищающая берег от волн и ветра. Гудят машины, а из открытых окон льется дружелюбная испанская речь на карибский манер. Может, когда-нибудь снова вернуться домой будет не сложнее, чем послушать песню.

Глава 7

Возле входа в гараж семьи Пенья уже собралась небольшая толпа. Впрочем, это была типичная картина. Дом Аны всегда служил прибежищем для всех желающих – друзей, родственников, тех, чьи семьи были разбросаны по разным местам, или тех, кто недавно переехал. Мы собирались здесь на праздники, дни рождения, и каждый Сочельник на праздник Noche Buena[41 - Спокойной ночи.]. Когда мистер Пенья готовит, люди всегда собираются.

На подъездной дорожке мама отдала мне наушник, и я пошла внутрь искать Ану, но остановилась как вкопанная возле досок с объявлениями внутри гаража. На одной из них была карта главной площади, которую я нарисовала, а миссис Пенья увеличила. А на второй – список всех задач и очень подробная разбивка по времени. Дни были раскрашены разными цветами, а сбоку значился красивый ключ-расшифровка.

Я прижала руку к сердцу:

– Это восхитительно.

Миссис Пенья польщенно улыбнулась, но ее улыбка погасла, как только она увидела за моей спиной маму.

– Привет, Лилиана.

Мгновение они неловко колебались, но потом все же обнялись и расцеловались.

– Давно ты приехала?

– Вчера вечером. Я заглядывала в bodega утром.

Появился Майк, и я сбежала, чтобы не мучиться от неловкости, с которой мама и миссис Пенья пытались поддерживать разговор. Мама редко заглядывала на городские собрания, и сейчас люди исподтишка бросали на нее любопытные взгляды.

– Хэй, я слышал, ты все это придумала, – широко улыбнулся Майк. – Очень в твоём духе – заставить всех немножко поработать ради общего блага.

Майк – темнокожий парень, не слишком социальный, зато невероятно умный. Он жил с родителями и бабушкой в доме через дорогу, рассекал на скейте и при этом любил «стариковские» хобби типа резьбы по дереву и разгадывания головоломок. Ещё он работал у Оскара, столяра-затворника. Оскар жил один в здании бывшей пожарной станции. У каждого человека в нашем городе есть какой-то предмет, сделанный его руками. У нас, например, – кухонный стол. Сейчас Оскар неохотно тащился следом за Майком, но, увидев доску объявлений, остановился и принялся в молчании ее изучать.

В гараж ворвалась Ана, постукивая своими фиолетовыми барабанными палочками. Она улыбнулась Майку:

– Ого, ты сумел вытащить Оскара из мастерской! Ничего себе.

– Нужно сделать столы и указатели для миссис Пенья, – пояснил Майк. – И ещё элементы для сцены.

Пришла Мими вместе с Малкольмом, Дэном и Пенни, которая болтала ножками в слинге на груди у папы. От Мими пахло мятным настоем, которым она иногда опрыскивала свои растения.

– Донья Сантос, – уважительно произнес Майк, подходя к ней, и она подставила щеку для поцелуя. Майк привычным движением поцеловал ее. Он мечтал улучшить свой испанский, поэтому старался почаще разговаривать со старшим поколением, а Мими на это покупалась.

Последними пришли Джонас и Клара. И Алекс. Он бросил взгляд в мою сторону, и я улыбнулась, но его взгляд проскользнул мимо меня. Моя улыбка скукожилась и пропала, словно недоставленное письмо.

Сейчас он снова выглядел как суровый рыбак. Кустик мяты в горшке и книги почти заставили меня забыть об этом.

Миссис Пенья вышла на середину гаража. Доски с объявлениями выглядели как задник сцены в театре.

– Всем спасибо, что пришли. Нам нужно сделать очень много, а времени мало. – Она умолкла, и все посмотрели на меня. Я помахала. – Пришла весна, и настал праздничный сезон, который мы все очень ценим.

Все одобрительно закивали и вполголоса пробормотали что-то в знак согласия. Я постаралась сосредоточиться и внимательно слушать то, о чем говорит миссис Пенья: заявки на участие в ярмарке, тихий аукцион, музыкальные выступления и даже предложенный мной турнир по домино – идею приняли, – но у меня не получалось. Я была слишком обеспокоена тем, удачно ли я стою. Я незаметно подвинула бедро. Краем глаза я заметила, как Алекс оглядывает комнату. Он прислонился к стене, но даже так был на голову выше Джонаса. У меня заболели глаза, потому что я все время пыталась незаметно коситься по сторонам. Только бы мой кардиган не оказался заляпан гуавой!

– ...а рыбаки организуют регату...

Я представила себе бухту и фонтан соленой воды, несущийся навстречу горизонту, и тут же почувствовала прилив слабости.

– Я хочу сделать роспись, – громко сказала мама. Голоса стихли. Все смотрели куда угодно, но только не на нее.

– Я часто делаю такие заказы, и я бы хотела нарисовать картину в родном городе. Можно было бы презентовать ее на фестивале. – Мамин голос дрогнул, и я подумала, заметил ли это кто-нибудь, кроме меня. Я взглянула на Мими – она смотрела на маму с любопытством.

Тишина становилась неловкой. Миссис Пенья изучала свои записи.

– Где? – наконец спросила Мими. – У тебя ведь нет своего дома.

Мама на нее даже не посмотрела. Ее глаза были прикованы к миссис Пенья в ожидании ответа.

– Пусть использует мой, – сказал Оскар низким голосом, и я вздрогнула от неожиданности. Он запустил руку в темные волосы, начинавшие сесть у висков. – Можно сделать роспись на стене пожарной станции. Кирпич довольно сильно выветрился, но, думаю, подойдет. – Он пожал плечами. – Если хочешь, конечно.

Мама улыбнулась в ответ, и ее голос был тихим и мягким от облегчения:

– Спасибо, Оскар.

Миссис Пенья оживилась:

– Отлично, тогда Лилиана сделает роспись, а в бухте будет...

Она продолжила оглашать список, но я теперь думала только о маме и Оскаре. Они что, дружат? Я знала, что нелюдิมый столяр тоже однажды уезжал из Порт-Корала, но потом вернулся. Он уехал сразу после школы, а вернулся уже отставным «морским котиком»[42 - Navy Seals – элитное подразделение ВМС США.] и стал делать мебель. Может быть, они с мамой были знакомы в детстве? Или с моим отцом?

– Что скажешь, Роза? – сказала миссис Пенья, и я резко вынырнула из своих размышлений и вернулась к реальности.

– Отлично, – ответила я, и на лице Алекса в другом конце комнаты появилось удивленное выражение. Мими бросила на меня тревожный взгляд, и только мама улыбалась так, как будто что-то знает.

– Господи, я все прослушала, – прошептала я Майку. – Что она сказала? – У меня за спиной, прикрыв рот рукой, захихикала Ана.

Майк наклонился ко мне.

– Джонас предложил, чтобы этот парень, Алекс, помог тебе с их свадьбой.

– Что?!

Мрачный взгляд Алекса, который разве что не прожигал дыру в доске с объявлениями, довольно красноречиво сообщил мне о том, что он думает по этому поводу.

– А я говорила, – сказала Ана. – Ты понятия не имеешь, во что ввязалась.

Когда миссис Пенья распределила все задачи и собрание кончилось, я догнала Клару на тротуаре.

– Роза! – Она расплылась в улыбке и снова превратилась в смущенную невесту. – Честно говоря, я совершенно не представляла, как мы все это сделаем, раз фестиваль отменили, но теперь все кажется только лучше! Мы с самого начала не планировали масштабного праздника, но теперь, когда все вместе стараются ради города и бухты, это настоящее приключение. И так романтично – посреди всего этого наш с Джонасом праздник, и моя мама... Я так рада!

– Это очень здорово, Клара. Но вообще я хотела... Ты не могла бы еще раз пересказать мне то, что мы только что решили?

– Ну... хорошо, конечно!

– Я займусь едой.

Я резко обернулась и прямо у себя за спиной увидела Алекса. Он стоял со сложенными на груди руками и смотрел на Клару.

– Праздничный торт. Я могу им заняться, – предложил он.

– Замечательно! – воскликнула Клара. – Я сама позабочусь о платье и займусь персональными деталями вроде свадебных обещаний, но, учитывая все остальное, нам точно нужна помощь в планировании и организации самой церемонии. – Клара посмотрела на меня своими огромными глазами. Я практически видела, как вокруг нее порхают мультяшные птички.

– Ни о чем не беспокойся, – сказала я. – Все под контролем.

Она сделала такой жест, как будто помещает нас с Алексом в рамку.

– Дрим-тим!

А потом вручила мне список своих любимых цветов, песен и тортов.

– Завтра утром мы с Джонасом едем в Гейнсвилл на встречу с представителями университета. Пожелайте удачи! – Она хлопнула в ладоши, повернулась и пошла прочь. Но я была не лучшей кандидатурой, чтобы желать удачи.

Мистер Гомез пристально посмотрел на нас с Алексом и сделал жест «Я слежу за тобой». Да уж, еще бы.

– Ну, похоже, мы теперь и правда в одной команде, – сказала я как ни в чем ни бывало. – Хотя я думала, ты тоже поедешь в Гейнсвилл.

– Не очень люблю собрания, – ответил он.

– Ну да, понимаю. Вот так придешь на одно собрание и уже планируешь свадьбу, – сказала я, и случилось невероятное: он улыбнулся. Ну, практически. Его губы слегка дрогнули, но улыбка сразу пропала – казалось, что сквозь мрачные тучи на его лице пробился лучик солнца. Нужно поостеречься: если это солнце разгорится в полную силу, можно и сгореть.

– Ну так вот. – Я откашлялась и просмотрела заметки, которые держала в руках. – Тут написано, что они хотели бы провести церемонию на закате. Место неважно, так что давай я его выберу и займусь декорированием, а ты разберешься с тортом и шампанским. Проще простого. Идет?

Он кивнул и сунул руки в карманы.

– Что, если мне еще что-нибудь понадобится? – рискнула я.

– Ищи меня на лодке.

Я засмеялась, но мой смех звучал слишком неестественно. Это было самое дикое, что я слышала в жизни.

– Обычно у людей есть телефоны.

И опять. Эта «недоулыбка». А мне-то хотелось увидеть настоящую.

– Если ты позвонишь, я тебе не отвечу.

Не очень-то вежливо.

– Почему?

Он пожал плечами:

– Утопил его в океане, а новый купить так и не решился.

Он повернулся, помахал на прощание и пошел в сторону бухты.

Ко мне подошла Ана.

– Будь осторожна.

Я шепотом спросила:

– Мама на меня смотрит?

– Наблюдала за вами все это время.

Я вздохнула. Было такое чувство, как будто я подтверждаю какие-то ее предположения, и это неприятно. «Не стоит мне болтать с парнями, у которых есть лодка», – сказала я себе, глядя ему вслед.

На следующее утро я сидела в своей комнате и пыталась закончить последнее сопроводительное письмо для программы обмена. Ну, на самом деле я пыталась его начать. Я грызла клубничный леденец и глядела на мигающий курсор и пустой экран. Курсор требовательно глядел на меня в ответ. «Ну давай, Роза, расскажи нам еще раз, почему мы должны дать тебе денег». Я уже не раз отвечала на этот вопрос в самых разных формах, но тем не менее не могла сложить даже одного предложения. Может, я просто выгорела?

«Одновременная» учеба в школе и колледже высосала из меня все силы. Кто-нибудь, сообщите viejitos – Роза Сантос закончилась. Я взглянула на календарь, чтобы подсчитать, сколько дней осталось до мая, но вдруг обратила внимание на сегодняшнюю дату. Завтра мамин день рождения. День, когда мой отец не вернулся домой. Я захлопнула крышку ноутбука и пошла искать Мими.

Окна были распахнуты навстречу теплему, пахнущему цитрусами ветру. Я шла сквозь оранжерею, впитывая плотный запах растений. В этих живых шевелящихся корнях была скрыта тайная мудрость. В них жили лекарства и секретные составы. Рецепты передаются по наследству от матери к дочери.

Повинуясь ритму нашего дома, я вышла через заднюю дверь в сад и увидела, как Мими кладет сорванные перцы в корзину и выпрямляется. Она уперлась ладонями в поясницу и наклонилась вперед, потягиваясь, прикрыла глаза и повернула лицо навстречу солнцу. Я глядела на ее умиротворенное лицо, и внезапный укол вины омрачил мое хорошее настроение.

Как будто налаживать отношения с мамой означало двигать стрелку весов, о которых я раньше не имела и понятия. А моя поездка на Кубу тоже будет ее ранить? Я не знала, как мне найти баланс этих весов и могу ли я любить поровну обе стороны.

– Тебе помочь? – крикнула я, подходя поближе.

Мими взяла свою корзину. Тут она заметила, что я в своей пижамной футболке, и сказала:

– Оуе, рего ты только что проснулась!

Я подавила вздох.

– Я просто писала эссе у себя в комнате.

Она услышала напряжение в моем голосе, и ее лицо помрачнело. Но она тут же встряхнулась и погладила меня по щеке. Секунду поколебавшись, она сказала:

– Voy a hacer una medicina para la tos[43 - Я собираюсь сделать лекарство от кашля.].

– А у кого кашель?

Она рассмеялась:

– Да у всех. Цветы у нас в городе очень красиво цветут, pero saja[44 - Но, блин.], на них у всех аллергия.

Она опустила руку, мы пошли в оранжерею и стали работать вместе, как и всегда. Мими резала и взвешивала ингредиенты, делая все на глаз, без записей. А я повторяла за ней, заглядывая ей через плечо и записывая все в свой блокнот, засыпанный листьями и стружкой от карандаша. Она показала мне, как правильно резать перец. Я почистила и нарезала имбирь, слушая, как она напевает что-то себе под нос, наливая в бутылку золотистый мед. Получится исцеляющая субстанция, которая успокоит саднящее горло и вылечит надсадный кашель. Не знаю, буду ли я целительницей, как Мими, но, когда мы с ней вместе делали этот настой, она словно доверила мне еще один секрет, рассказала еще одну историю о доме и семье.

Когда она ушла делать нам чай, я бросила взгляд на беспорядочно разбросанные предметы у нее на столе. Ее манера упорядочивать вещи была еще хуже, чем в книжном магазине. Сушеные листья мяты лежали поверх записной книжки, от руки исписанной ее почерком. Списки ингредиентов для разных микстур и ароматических масел. И беспорядочные приписки в произвольных местах разноцветными чернилами. Рекомендации и примечания про кашель и радикулит.

Вдруг мой взгляд зацепился за имя T?a Nela.

Я никогда не слышала никаких упоминаний о тете. Насколько мне было известно, из членов нашей семьи остались только мы трое. А если кто-то и оставался на Кубе, то с этим было покончено. Так ведь? Но упоминания тети Нелы встречались снова и снова, словно преследуя друг друга по страницам, в промежутках между рецептами тонизирующих настоев и списками растений, которые Мими не могла найти за пределами Кубы. Тут перечислялись кубинские города, и я второпях изучила заметки, чтобы посмотреть, нет ли где-то других имен или адресов, но ничего такого не нашла – зато увидела записи о различных случаях исцеления. В Камагуэе мальчик, находившийся при смерти, встал со смертного одра. Излечение коров на ферме в Пинар-дель-Рио, спасшее семью от голодной смерти. В Ольгине мать разыскала пропавшую дочь. Целый список чудес. Откуда Мими вообще знает о том, что делается на Кубе?

– Солнышко? – позвала Мими, и я, вздрогнув, торопливо положила записную книжку на место.

– Да-да! – ответила я, хотя от страха мое сердце, казалось, застряло в горле.

Мими вошла, неся в руках две кружки. Я отхлебнула глоточек, глядя на нее и надеясь, что по моему лицу нельзя прочесть обуревающие меня чувства. Но чем сильнее чай согревал меня изнутри, тем больше мне хотелось схватить ее блокнот и прочесть все остальное. Мне хотелось – нет, было жизненно необходимо – знать больше. Я должна была найти путь.

– Сегодня пойду за стройматериалами с Оскаром и Майком, – сообщила я. – Они помогают мне со свадьбой.

– Que bueno, – сказала Мими, взяла бутылку со спреем и повернулась к горшку с базиликом.

– А как проходила твоя свадьба?

Она замерла с бутылкой в руке. Через пару секунд она брызнула на базилик.

– Довольно тихо. Это тоже было весной.

Я с ожиданием подпрыгнула на краешке стула:

– Вы с дедушкой женились в Гаване?

– Нет, что ты. – Она рассмеялась. – Papí[45 - Папа.] бы мне этого не простил. Мы с Альваро венчались в церкви в Виньялесе. Альваро тогда еще учился в университете в Гаване, но он понимал, что для моей семьи важно, чтобы мы поженились в родных краях, рядом с фермой.

– Подожди, так он был студентом?

Она кивнула:

– Учился в университете.

– Гаванском университете?

– Я так и сказала.

– Но почему ты раньше не говорила?

Но тут минутка откровенности закончилась. Бабушка вдруг заинтересовалась растением перед собой:

– Ay, mira[46 - Ой, смотри.], листья совсем завяли...

Я буду учиться в том же университете, что и мой дедушка. Слова требовательно рвались наружу. Я бы очень хотела отпустить их на волю, чтобы моя бабушка тоже свободно рассказывала мне о своем прошлом. Я смогла бы понять ее истории на языке, который слышала только случайно, урывками. Но она, словно призрак, скрывалась от меня в зарослях своих растений. Поэтому признание, стремившееся наружу, снова спряталось внутри, тяжело надавливая на мои ребра, словно птица, которой некуда лететь.

Может, мне просто не хватает смелости? Я боюсь сделать ей больно. И того, что она в ответ сделает больно мне – это слишком важная тема для нас обеих, чтобы обходиться с ней легко.

– А где мама? – спросила я и снова испугалась, что качнется стрелка воображаемых весов.

– Пошла к своей стене. Сходи-ка напости ей, какой завтра день.

По дороге в магазин стройматериалов я заглянула в старую пожарную станцию. Моя мама стояла, сложив руки на груди, и рассматривала стену, которая была у нее вместо холста. Белая грунтовка выглядела свежей. Она была в потертых джинсах с пятнышками краски. Слегка откинула голову назад и стала так похожа на Мими, что я задумалась, осознают ли они сами это сходство.

– Что здесь будет? – спросила я, подходя ближе.

Мама не удивилась.

– Пока не знаю.

Она взглянула на меня, а потом снова перевела взгляд на стену, словно оценивая силы соперника перед дракой.

На тротуаре между зданиями показалась Глэдис и остановилась рядом. Она была в футболке для боулинга и со спортивной сумкой.

Она посмотрела на нас, потом на стену:

– Что собираешься нарисовать?

Мама не отвела глаз от стены:

– Пока не знаю.

– Лучше бы что-нибудь красивое, – сказала Глэдис. – А то нам потом смотреть на это каждый день, знаешь ли. – Она пошла дальше. У мамы был такой вид, словно ее ударили под дых.

Подождав, пока та скроется из виду, мама сказала:

– Наверное, она бы страшно удивилась, узнав, что в других местах люди мне за это платят.

– Просто они никогда не видели твоих работ.

Фотографии она посылала только мне.

– Они слишком заняты возведением оград для защиты от моего воображаемого проклятья, – устало сказала она. Ее волосы в тени от стены казались темнее. – А в других местах люди не относятся ко мне так, словно я приношу неудачи. Но все равно я нигде не могу найти своего места. – Она постучала кисточкой по ладони. – Родной город иметь хорошо, когда не приходится постоянно уезжать.

Мама впервые говорила со мной об этом настолько прямо.

– Приходится? – переспросила я, но она опять смотрела на стену. Как я устала от их постоянного молчания! Я решила попытаться еще раз: – Ты можешь на какое-то время остаться. Посмотришь, поменяется ли как-то от этого твоя репутация.

Мама снова ничего не ответила. Она такая же упрямая, как Мими.

– Что ты хочешь делать в свой день рождения? – спросила я.

Их бесконечное противостояние меня утомляло и злило. Но мама в первый раз, который я помнила, в этот день была дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бабушка (здесь и далее пер. с исп.)

2

Очень хорошо.

3

О, любовь моя!

4

Как?

5

Какой-то неправильный университет!

6

Небольшой магазинчик, в котором торгуют продуктами и напитками, в том числе алкогольными.

7

Подожди минутку.

8

Суп.

9

Я здесь.

10

Но.

11

Система, при которой можно учиться в школе и колледже одновременно, получая диплом младшего бакалавра и возможность продолжить обучение уже в

университете, чтобы получить степень бакалавра.

12

А, да.

13

Маленькая девочка.

14

Старики.

15

Пойдемте.

16

Что такое?

17

Подвал.

18

Конга – кубинский барабан.

19

Жареный поросенок.

20

Кофе с молоком.

21

Ясное дело.

22

Кубинский сленг, что-то типа «вперед, давай».

23

Американский рэпер из Майами кубинского происхождения.

24

Какой позор!

25

Дядя.

26

305 – код Майами и цитата из культовой песни рэпера Pitbull.

27

Восклицание вроде «эй» или «послушай».

28

Проклятье!

29

Выпечка (кексы или пирожные)

30

Привет.

31

Ты голодная?

32

Не знаю, милая.

33

Эй.

34

Нет такого слова.

35

Стейк в панировке.

36

Не кричи на меня!

37

Никто мне не помогает.

38

Палисадник.

39

Тетя.

40

Жанр народной кубинской музыки.

41

Спокойной ночи.

42

Navy Seals – элитное подразделение ВМС США.

43

Я собираюсь сделать лекарство от кашля.

44

Но, блин.

45

Папа.

46

Ой, смотри.

Купить: https://tellnovel.com/ru/moreno_nina/ne-vstrechaysya-s-rozoy-santos

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)